

БАШКИРІЯ И БАШКИРЫ

Путевыя замѣтки.

Лѣтомъ 1873 года я имѣлъ случай посѣтить одинъ изъ глухихъ уголковъ нашего отечества, именно Оренбургскій край. При этомъ мнѣ хотѣлось главнымъ образомъ познакомиться съ такъ-называемой *Башкиріей*, которая представляетъ весьма много любопытныхъ и слабо изслѣдованныхъ сторонъ, особенно по своей этнографіи. Въ населеніи этого края перемѣшаны и перепутаны расы: славянская, нѣмецкая, монгольская, тюркская, финская, съ ихъ подраздѣленіями и разновидностями. Въ частности, изъ славянскаго племени здѣсь обитаютъ: великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы; изъ инородцевъ: башкиры, мещеряки, чуваша, мордва, тептары и бобылы, татары и отчасти калмыки и киргизы ¹⁾. Вся эта пестрая смѣсь племенъ тѣсно перемѣшана другъ съ другомъ. Не только деревни инородцевъ чередуются съ русскими, но даже въ одной и той же деревнѣ очень часто можно встрѣтить по нѣскольку разнообразныхъ народностей вмѣстѣ. При такой перемѣшанности и непрерывныхъ столкновенияхъ всѣхъ элементовъ населенія, помѣси естественно должны проявляться здѣсь въ самыхъ разнообразныхъ и рѣзкихъ формахъ. Оренбургскій край представляется, такимъ образомъ, въ родѣ какой-то физиологической лабораторіи, въ которой предназначается черезъ нѣсколько столѣтій, или, можетъ быть, даже десятилѣтій, формированіе изъ разнородныхъ этнографическихъ элементовъ какого-то средняго,

¹⁾ Въ Самарской губерніи изъ общаго числа жителей инородческое населеніе составляетъ $\frac{1}{3}$ (527, 542), въ Уфимской $\frac{2}{3}$ (833, 577), въ Оренбургской $\frac{1}{4}$ (292, 099), въ Пермской $\frac{1}{12}$ (165, 087), въ Вятской $\frac{1}{5}$ (436, 999), въ Казанской $\frac{2}{3}$ (971, 407).

новаго типа. Вообще, вопросы объ ассимиляціи, вырожденіи и преобразованіи расъ и племенъ имѣютъ здѣсь практическую почву и обильный матеріалъ для изслѣдованія. Они-то и составляли цѣль моего путешествія по Оренбургскому краю, киргизскимъ степямъ и Башкиріи.

Проникая чрезъ мало доступные проселочные тракты, я имѣлъ въ виду подробнѣе познакомиться съ характеромъ и бытомъ инородцевъ, особенно башкиръ.

Подъ словомъ «башкиры» въ официальномъ мірѣ разумѣютъ не только это племя, но мещеряковъ, тептарей и бобылей, хотя послѣдніе не имѣютъ съ башкирами ничего общаго. Относительно племенного происхожденія башкиръ существующія понятія весьма сбивчивы. Одни (Страленбергъ и Гумбольдтъ) признаютъ ихъ за народъ финскаго племени, только со временемъ принявшій монгольскій типъ; киргизы называютъ ихъ *истякъ* (остякъ), изъ чего также выводятъ заключеніе о финскомъ происхожденіи; нѣкоторые историки производятъ ихъ отъ болгаръ. Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ российской имперіи, составленныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ мин. вн. дѣлъ (1871 г. ст. LXXXVI) говорится, что башкиры отличаются отъ татаръ и болѣе сходны съ финнами, что они занимаютъ средину между финскимъ и татарскимъ племенами. Далѣе, нерѣдко приходится читать и слышать, что башкиры причисляются къ монгольскому, или, по крайней мѣрѣ, омонголившемуся племени. Хвольсонъ производитъ башкиръ и одноплеменныхъ имъ мадяръ отъ вогульскаго племени, составляющаго отрасль угорской группы народовъ, или часть большой алтайской семьи. Наконецъ, въ простонародіи, особенно въ пермской губерніи, башкиръ называютъ татарами и вообще не отличаютъ ихъ отъ татаръ ¹⁾. Чтобы лучше оріентироваться въ этомъ лабиринтѣ мнѣній, я считаю необходимымъ прежде всего обратиться къ исторіи.

Свѣдѣнія о башкирахъ относятся къ очень отдаленному времени. Объ нихъ упоминаютъ арабскіе и персидскіе писатели

¹⁾ Башкиръ и одноплеменныхъ ихъ мадяръ принимаютъ также за отатарившуюся мещеру. Это можно сказать про мещеряковъ оренбургскихъ, которые, поселившись между татарами и башкирами, приняли ихъ языкъ и религію, но тѣмъ не менѣе все-таки сохранили свой финскій типъ. Въ свѣжскомъ уѣздѣ православные мещеряки тоже говорятъ потатарски, но ихъ тамъ называютъ чувашами. Настоящіе чуваша называютъ ихъ татарами, а татары—мещеряками. Татарскимъ языкомъ они говорятъ не чисто, съ примѣсью чувашскихъ звуковъ. Фонетика языка, равно какъ и типъ лица, сохранившіеся языческіе финскіе обычаи, не оставляютъ сомнѣнія, что это—отатарившееся финское племя. Ничего подобнаго мы не видимъ у башкиръ.

IX—XIII вѣка, какъ о народѣ самостоятельномъ, занимавшемъ почти ту же территорію, какъ и въ настоящее время, именно по обѣимъ сторонамъ Уральскаго хребта, между Волгою, Камою, Тоболомъ и верхнимъ теченіемъ Яика (Ураль). Напр., персидскій писатель Ибнъ-Даста (въ началѣ X-го вѣка) говоритъ, что «между землею печенѣговъ и землею болгарскихъ эсегель лежитъ первый изъ краевъ мадьярскихъ. Мадьяры эти—тюркское племя. Живутъ они въ шатрахъ и перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая кормовыя травы и удобныя пастбища»¹⁾. Слово «мадьярь» у старыхъ восточныхъ писателей имѣло то же значеніе, что и башкирь, такъ какъ мадьяры и башкиры принимались за одинъ народъ. Путешественники XIII-го вѣка, посѣщавшіе страну башкирь, находили башкирскій языкъ тождественнымъ съ мадьярскимъ. По этой причинѣ они называли страну, обитаемую башкирами «*Великою Венгрією*» (Major Hungaria). Мадьяры, какъ часть башкирскаго народа, выселились изъ при-уральскихъ странъ около 884 года, влѣдствіе притѣсненія восточными печенѣгами. Поэтому, у старыхъ мусульманскихъ писателей имя «унгарь» или «мадьярь» весьма часто замѣняется словомъ *маджгарь* или *башкирь*. Масуди, писатель начала X-го вѣка, говоря объ европейскихъ *баджгардахъ* (башкирахъ или мадьярахъ), упоминаетъ и о племени этого народа, обитающемъ въ Азій, т.е. оставшемся на родинѣ. Какъ онъ, такъ и большинство другихъ писателей, говоря о башкирахъ, обыкновенно прибавляютъ, что это тюркское племя. *Абу-Зейдъ Эль-балхи* (около 951 г.) упоминаетъ о европейскихъ мадьярахъ подъ именемъ *баджгардъ* и говоритъ, что они подвластны болгарамъ и раздѣляются на два племени. Одно изъ этихъ племенъ, оставшееся на востокѣ, граничитъ съ печенѣгами, что оно и печенѣги-тюрки. О восточныхъ или уральскихъ башкирахъ говорится также въ сочиненіяхъ *Ибнъ-Фодлана* (922 г.), *Эдраси* (около половины XII вѣка), *Якута* (въ началѣ XIII вѣка), *Ибнъ-Саида* (около половины XIII вѣка), *Клзвина* (около того же времени), *Демешки* (въ началѣ XIV вѣка) и друг. Эдраси говоритъ, что одежду башкирь составляли длинныя куртки, подобно болгарскимъ. Ибнъ-Фодланъ отличалъ одежду хозаръ, болгаръ и печенѣговъ (длинныя куртки) отъ одежды руссовъ (короткія куртки). Такимъ образомъ, указаніемъ персидско-арабской литературы выясняется: 1) что въ такъ-называемой Башкиріи, равно какъ и южнѣе къ Каспійскому и Чер-

¹⁾ Хвольсонъ. Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ и пр. 1869 года, стр. 25.

ному морю, уже въ IX вѣкѣ обитали племена башкирь, болгарь, ногайцевъ, хозарь, печенѣговъ, попавшихъ сюда, вѣроятно, во время нашествія гунновъ и составлявшихъ потомковъ этого народа. 2) Большая часть писателей прямо называетъ эти перечисленные народности тюркскими племенами, родственными другъ съ другомъ и повидимому говорившими однимъ или по крайней мѣрѣ сходнымъ языкомъ¹⁾. Правда, что этнографическимъ указаніямъ старыхъ писателей нельзя придавать большой цѣны, такъ какъ они едва ли умѣли отличить монгольское и тюркское племя, но все-таки они могутъ служить историческимъ доказательствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти указанія въ настоящее время можно подтвердить оставшимися въ народѣ національными признаками. Въ числѣ этихъ послѣднихъ языкъ служитъ самымъ стойкимъ элементомъ. Несмотря ни на какія политическія и религіозныя перемѣны, языкъ народа остается вѣрнымъ самому себѣ до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ самъ народъ путемъ ли постепеннаго вымиранія, или полнаго поглощенія другою народностью. Это мы видимъ по всему земному шару, на каждомъ шагу. Скорѣе измѣнится анатомическій типъ, народный характеръ, привычки и обычаи, народъ можетъ, такъ-сказать, совершенно переродиться, но языкъ его непременно сохранить національныя слѣды. Возьмите, напр., пермяка, вогула, черемиса. Казалось бы, при потерѣ политической жизни и при постоянномъ вліяніи чуждаго господствующаго племени въ теченіи вѣковъ, народный языкъ могъ бы утратить здѣсь національныя черты, но на самомъ дѣлѣ этого не произошло. Небольшія группы народностей, заброшенныя въ массу чуждаго народонаселенія, все-таки остаются вѣрны своему языку и черезъ многія столѣтія чуваша и черемисы также отличаются въ этомъ отъ татаръ, какъ когда-то, по свидѣтельству историковъ, отличались ихъ предки—буртасы отъ болгаръ, башкирь и хозаръ. Сказать, что народъ утратилъ свой языкъ, это значить, что онъ пересталъ быть тѣмъ народомъ, какимъ былъ когда-то, говоря другимъ языкомъ, и безслѣдно перешелъ въ другую народность, слился съ ней вполне. Въ этомъ случаѣ этнографическіе вопросы о происхожденіи такихъ потерянныхъ народностей уже не имѣютъ значенія.

Выходя изъ этого взгляда на языкъ, мнѣ кажется, мы насколько не погрѣшимъ, принимая башкирь, согласно указанію

¹⁾ Относительно печенѣговъ, Эдраси говоритъ, что языкъ ихъ отличается отъ языка башкирь. О болгарахъ онъ говоритъ, что языкъ ихъ сходенъ съ хозарскимъ, буртасы же, живущіе по берегамъ средняго теченія Волги, говорятъ языкомъ, отличнымъ отъ двухъ упомянутыхъ народовъ, равно какъ и отъ языка руссовъ.

древнихъ историковъ, за тюркское или татарское племя. Но, кромѣ языка, есть и другіе признаки, по которымъ башкиры должны считаться потомками не финновъ и не монголовъ, а тюрковъ; эти признаки можно отыскать въ обычаяхъ и привычкахъ. Всякому извѣстно, что у народовъ не только съ патриархальнымъ складомъ жизни, но и у народовъ цивилизованныхъ, привычки и обычаи сохраняются необыкновенно стойко. Укрѣпляясь наследственностью, они превращаются въ необходимость, дѣлаются второй натурой, и поэтому не только не бросаются по произволу, но даже съ трудомъ искореняются при систематическихъ, насильственныхъ мѣрахъ. Возьмемъ, напр., народную одежду. По свидѣтельству *Эд-раси* и *Ибнъ-Фодлана*, башкиры, болгары, хозары и печенѣги въ IX—XII вѣкѣ носили *длиныя* куртки, вѣроятно, подобныя теперешнимъ татарскимъ рубахамъ и халатамъ, тогда какъ руссы носили короткія куртки (полушубки). Общій характеръ этого различія въ одеждѣ сохраняется и до сихъ поръ. Всѣ тюркскія племена и теперь предпочитаютъ длинныя одежды. Рубахи ихъ длинныя, съ большимъ откиднымъ воротомъ, не подпоясываются поясомъ, тогда какъ финскія племена носятъ рубахи короткія, съ узкимъ воротомъ, съ поясомъ, и вообще предпочитаютъ одежды короткія. Сбриваніе волосъ на головѣ и головная шапочка (тюбетейка) у татаръ не составляетъ этнографическаго признака, а слѣдъ мусульманства; тѣмъ не менѣе въ остальныхъ головныхъ украшеніяхъ можно найти нѣкоторые отличительные національные признаки. Тюрки, напр., покрывали свою голову тюрбаномъ, монголы конической войлочной шляпой. Эти шляпы, съ длинными, опускающимися сзади полями, вырѣзанными спереди (малахай), до сихъ поръ у монгольскихъ и омонголившихся племенъ остаются самымъ употребительнымъ головнымъ уборомъ. Киргиза и теперь болѣею частью вы встрѣтите въ томъ же малахайѣ, въ какомъ щеголялъ Тимуръ, тогда какъ татары и башкиры преимущественно носятъ низкія войлочные шапки съ завернутыми вверху полями. Тюрбанъ между ними употребляютъ почти исключительно муллы. Всѣ финскія племена носятъ на головѣ мѣховую или съ мѣховымъ околышемъ шапку, или шляпу, подобно русскимъ крестьянамъ.

Относительно пищи, монголо-татарскія племена всегда предпочитали лошадиное мясо всякому другому. По свидѣтельству историковъ, современныхъ Тимуру, на его пирахъ подавали цѣлыхъ жареныхъ лошадей, и задняя часть лошади считалась самымъ лакомымъ блюдомъ. Точно также было въ обычай тогда употреблять въ пищу, мелко изрубленное, лошадиное и баранье

мясо, плавъ, мучныя блюда съ фаршемъ, фрукты и кумысъ¹⁾. Почти то же самое меню у башкиръ и татаръ осталось до сихъ поръ; у финскихъ же племенъ мы не видимъ ничего сходнаго съ этимъ.

Относительно жилищъ, тюрки во всѣ времена отдавали предпочтеніе жизни подъ легкой палаткой. По свидѣтельству Клавихо, бывшаго при дворѣ Тимура, въ то время болѣею частію ставили круглыя войлочные палатки, въ родѣ тѣхъ, какія и до сихъ поръ мы видимъ въ киргизскихъ стенахъ и Башкиріи. Гораздо рѣже строили палатки продолговатой формы (аравійскія) или четырехугольныя занавѣсчатія (иранскія). Эти послѣднія не составляли національной принадлежности кочевыхъ племенъ восточной и средней Азіи, и потому мы въ послѣднее время не встрѣчаемъ ихъ ни у башкиръ, ни у киргизовъ. Финскія племена никогда не жили въ палаткахъ и до сихъ поръ живутъ въ деревянныхъ домахъ или землянкахъ.

Изъ множества обычаевъ, существовавшихъ у восточно-и средне-азиатскихъ тюрковъ и существующихъ до сихъ поръ у башкиръ и киргизовъ, я укажу еще на соколиную охоту. Этотъ обычай, заимствованный отъ татаръ и русскими князьями и вельможами, до сихъ поръ въ большомъ употребленіи въ киргизской степи и Башкиріи.

Изъ всего вышеизложеннаго можно вывести, мнѣ кажется, безошибочное заключеніе, что башкиры, по всѣмъ этнографическимъ признакамъ, должны считаться тюркскимъ племенемъ. Они составляютъ звено или отрасль той большой татарской семьи, которая искони вѣковъ кочевала въ формѣ отдѣльныхъ родовъ на равнинахъ восточной и средней Азіи, и потомъ была сплочена и вызвана къ могучей, хотя и не продолжительной, политической жизни энергіей такихъ вождей, какъ Аттила, Чингизханъ, Тимуръ и его потомки. На это указываетъ языкъ башкиръ, ихъ характеръ, обычаи и анатомическій складъ, не позволяющій думать о какомъ бы то ни было родствѣ ихъ съ племенами финскими.

Не только финскія племена, представляющія болѣе рѣзкія отличія отъ монголо-татарскихъ, но даже и эти послѣдніе до сихъ поръ сохранили свои этнографическіе признаки, по которымъ легко отличить тюрка отъ монгола. И теперь въ разбросанныхъ руинахъ когда-то многочисленной и могущественной орды мы можемъ по одному языку и внѣшнимъ признакамъ отличить мон-

¹⁾ Вамбери. „Ист. Бохара“ и пр. въ пер. Повловскаго, 1873 г. т. I. стр. 226.

гольскую семью отъ тюркской. Монголы до сихъ поръ остались монголами, сохранили свой языкъ, свои письмена и обычаи, свой анатомическій типъ, какъ мы это видимъ, напр., на калмыкахъ, бурятахъ и собственно монголахъ. То же самое и тюркскія племена, гдѣ бы они ни были и подъ какимъ бы названіемъ ни существовали, до сихъ поръ сохранили общія черты національности въ языкѣ, анатомическомъ типѣ и обычаяхъ. Съ монголами они не имѣютъ ничего общаго. Анатомическій типъ монгола составляютъ: угловатая черта лица, широкія скулы, вздернутые кнаружи углы глазъ, рѣдкая борода. Изъ смѣшанныхъ племенъ такой типъ мы отчасти видимъ въ киргизахъ, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, но въ башкирахъ нѣтъ ни одного подобнаго признака. По наружному виду башкиры ничѣмъ не отличаются отъ татаръ вообще, и слѣдовательно безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ къ тюркскому племени.

Поводомъ къ смѣшенію башкиръ съ монголами могли послужить: 1) неточность историческихъ понятій объ этихъ двухъ народностяхъ, и 2) значительное сходство между ними въ культурномъ отношеніи. Большая часть изъ насъ еще со школьной скамьи составили себѣ понятіе о владычествѣ татаръ надъ Россіей подъ именемъ *монгольскаго ша*. Даже многіе историки считали Тамерлана и его преемниковъ монголами. Поэтому не мудрено, что въ историческихъ воспоминаніяхъ слово «монголь» и «татаринъ» у насъ перепутываютъ или даже отождествляютъ. Тимуръ, захвативъ въ свои руки верховную власть надъ царствомъ Чингизъ-хана, сдѣлался какъ-бы преемникомъ монгольской династіи, несмотря на то, что происходилъ не отъ монгольскаго, а отъ тюркскаго племени. Монгольское царство съ воцареніемъ Тимура осталось только по имени и по воспоминаніямъ о славіи его основателя; по большинству же составляющихъ его народностей и по племенному происхожденію династіи это было тюрко-татарское царство, въ которомъ монгольская раса составляла меньшинство, элементъ инородческой. При преемникахъ Тимура монгольскій элементъ окончательно ослабѣлъ не только въ численности, но и въ интеллектуальномъ отношеніи. Несмотря однако-жъ на это, имя монголовъ рѣзко сохранилось въ памяти народовъ и слава ихъ завоеваній перешла къ татарамъ, вслѣдствіе чего и явилось смѣшеніе этнографическихъ понятій.

Съ другой стороны, поводъ къ смѣшенію татаръ съ монголами заключался въ единствѣ ихъ исторіи и культа. Соединенные въ одно политическое цѣлое со времени Чингиза, монголы и татары естественно должны были заимствовать другъ у друга

весьма многое, какъ относительно языка, такъ и въ привычкахъ и обычаяхъ. При политическомъ единствѣ помѣсь должна была идти еще дальше—должна была отразиться на самомъ анатомическомъ типѣ. И дѣйствительно, мы видимъ это на киргизахъ, гдѣ анатомическій типъ напоминаетъ много монгольской помѣси. То же самое можно замѣтить въ привычкахъ и обычаяхъ. Киргизская шляпа и юрта суть признаки монгольскіе, хотя, съ другой стороны, языкъ киргизовъ скорѣе приближаетъ ихъ къ тюркскому племени. Эта помѣсь анатомическихъ и этнографическихъ признаковъ у киргизовъ выражается настолько рѣзко, что они могутъ считаться чѣмъ-то среднимъ между монголами и тюрками, тогда какъ у башкиръ монгольскія черты почти не замѣтны, и вообще башкиры стоятъ гораздо ближе къ татарамъ, нежели къ монголамъ.

Послѣ того, какъ мы уже знаемъ, что башкиры принадлежатъ къ тюркскому племени и немногимъ отличаются отъ татаръ, является вопросъ: составляютъ ли они разновидность татарскаго племени, особый народъ, отличающійся отъ татаръ собственными національными признаками? По общепринятымъ понятіямъ это считается несомнѣннымъ, потому башкирскій народъ и носитъ свое имя, какъ и всѣ другіе инородцы, напр. латыши, мордва, пермяки, черемисы и пр. Эти инородцы дѣйствительно суть разновидности финновъ, такъ какъ, помимо общихъ, свойственныхъ имъ признаковъ, они имѣютъ между собою рѣзкія отличительныя черты, по которымъ латыша нельзя смѣшать съ черемисомъ, мордвина съ пермякомъ или вогуломъ, калмыка съ киргизомъ. То же самое я ожидалъ встрѣтить и относительно башкиръ, присматриваясь къ нимъ и татарамъ, и разспрашивая на мѣстѣ у всѣхъ и каждого: чѣмъ отличаются башкиры отъ татаръ? Удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ я нигдѣ получить не могъ. Указываютъ, напр., какъ на рѣзкій отличительный признакъ, что башкиры народъ кочевой или полукочевой, а татары—осѣдлый; но это, во-первыхъ, несправедливо, какъ я покажу ниже, а во-вторыхъ, не есть племенное отличіе. Затѣмъ указываютъ на разность нарѣчія; но она настолько ничтожна, что выражаетъ собой только отгѣнокъ татарскаго говора, провинціализмъ, а не нарѣчіе. Образованные татары и башкиры ставятъ эту разницу въ такія же отношенія, какъ великороссійскіе гѣворы разныхъ губерній, напр. рязанской и пермской, вологодской и тамбовской и пр. Опредѣлять народъ по такимъ отгѣнкамъ рѣчи не возможно. Далѣе указываютъ на разность нѣкоторыхъ обычаевъ и на историческое происхожденіе башкиръ.

Напр., башкирскія женщины не скрываются отъ мужчинъ и не покрываютъ лица; въ общественныхъ увеселеніяхъ у мужчинъ выражается страсть къ наѣздничеству, удалству, борьбѣ, что башкиры, наконецъ, не такіе усердные магометане, какъ татары, не настолько домовиты, экономны и расчетливы, какъ послѣдніе. Все это такъ, но гдѣ же тутъ отличительныя черты народности? Вышеприведенные признаки опять-таки выражаютъ только провинціальный оттѣнокъ, явившійся вслѣдствіе неодинаковыхъ жизненныхъ условій,—слѣдъ недавняго кочевого быта. Сравнивъ жителей великорусскихъ губерній, напр. владимірцевъ и уральскихъ казаковъ или донцевъ, мы найдемъ между ними разницу гораздо больше; но никому не приходитъ въ голову считать по этому каждую великорусскую губернію отдѣльнымъ народомъ.

Теперь обратимся къ происхожденію и названію башкиръ. Послѣднее производятъ отъ татарскаго слова *баиш* — голова и тюрко-татарскаго — *куртш*, означающаго многихъ насѣкомыхъ, какъ, напр., пчелу, или отъ *башка-юртш* — отдѣльное племя. Первое объясненіе считается болѣе правдоподобнымъ, на томъ основаніи, что башкиры лѣсистыхъ и горныхъ мѣстностей изстари занимались пчеловодствомъ. Исторію ихъ, какъ мы видѣли выше, возводятъ почти до первыхъ вѣковъ христіанства; но въ ней можно считать несомнѣннымъ только то, что башкиры въ числѣ другихъ тюрко-татарскихъ племенъ кочевали съ глубокой древности на обширнѣйшихъ степныхъ и луговыхъ пространствахъ Азіи. Въ скудныхъ персидскихъ и арабскихъ литературныхъ памятникахъ нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній не только на народность, но даже на племенное происхожденіе башкиръ. Такихъ указаній и быть не могло, потому что древніе писатели этнографическимъ признакамъ или не придавали никакого значенія, или не могли отличать ихъ. Если мы теперь, при всѣхъ современныхъ способахъ научнаго изслѣдованія, находимъ возможнымъ спорить о принадлежности башкиръ въ той или другой народности, то какого же довѣрія могутъ заслуживать сказанія персидскихъ и арабскихъ писателей? Къ тому же, кочующій бытъ номадовъ и сопряженный съ этимъ частыя переселенія родовъ цѣлыми массами съ мѣста на мѣсто, войны съ выпѣсненіемъ и замѣщеніемъ народовъ пришельцами-побѣдителями, дѣлаютъ этнографическую исторію степныхъ азіатскихъ странъ чрезвычайно трудною, если не сказать невозможною. При отсутствіи осѣлости и культуры, при отсутствіи вещественныхъ или письменныхъ памятниковъ старины, единственною руководящею нитью для опредѣленія народности азіатскихъ племенъ остается языкъ, анато-

мическій типъ и сохранившійся народный характеръ. По этимъ признакамъ можно опредѣлить въ общихъ чертахъ племя, иногда даже видъ или народность племени; но тамъ, гдѣ не сохранилось и этихъ признаковъ, опредѣлить исторію отдѣльной народности, въ отличіе отъ другой, сходной съ ней, невозможно. Поэтому, и съ исторической точки зрѣнія едвали есть основаніе считать башкиръ въ этнографическомъ смыслѣ отдѣльнымъ народомъ, въ отличіе отъ народа татарскаго. Одно тюркское названіе башкиръ или башкуртъ нисколько не говоритъ еще за отдѣльную народность, какъ названіе казакъ, сибирякъ и пр.

На основаніи всего этого я склоненъ думать, что башкиры не представляютъ отдѣльнаго народа, какъ разновидность тюрко-татарскаго племени, а тѣ же самые татары, получившіе особое названіе или по образу ихъ жизни, или по географическому положенію своихъ кочевовъ, или по родовому раздѣленію. Извѣстно, что во времена Іоанна Грознаго остатки Золотой орды подъ именемъ трехъ царствъ: Крымскаго, Астраханскаго и Казанскаго занимали все пространство отъ береговъ Чернаго моря до Камы и Уральскаго хребта. Въ составъ Казанскаго царства входила и нынѣшняя Башкирія, населенная отчасти инородцами финскаго племени (чуваши, мордва, черемисы), но главнымъ образомъ соплеменными казанцамъ — татарами и башкирами. Послѣдніе занимали азіатскія окраины царства, охраняя ихъ отъ сосѣднихъ татарскихъ и монгольскихъ ордъ. При обширности занимаемыхъ ими степей и при постоянныхъ столкновеніяхъ съ сосѣдними полудикими монголо-татарскими племенами, башкиры, естественно, гораздо долѣе сохранили кочевой или полу-кочевой бытъ, нежели татары благоустроеннаго казанскаго центра, и до сихъ поръ въ этомъ только и отличаются отъ нихъ. Послѣ покоренія Казани (1553) Башкирская область осталась неприкосновенной, благодаря своей отдаленности, неопредѣленности границъ и кочевому характеру населенія. Эта страна могла быть покорена не однимъ ударомъ, а постепенно, шагъ за шагомъ, что мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Въ 1557 г., башкиры начинаютъ вносить ясакъ русскому царю. Въ 1586 г. возникаютъ города: Уфа, Бирскъ и Мензелинскъ, и въ то же время начинаютъ надвигаться на Башкирію русскія поселенія съ сѣверо-востока, съ Шадринскаго и Челябинскаго уѣздовъ и съ низовьевъ Яика (Урала). Окончательное же водвореніе русскаго элемента произошло здѣсь не ранѣе начала XVIII столѣтія.

Я позволилъ себѣ коснуться здѣсь исторіи башкирскаго края собственно для того, чтобы было понятно, почему бытъ тепереш-

нихъ башкирь кое-чѣмъ отличается отъ татарскаго. Послѣдніе начали осѣдлую гражданскую жизнь гораздо раньше, и двумя столѣтіями раньше подчинены были вліянію русскаго цивилизующаго элемента, тогда какъ башкиры въ это время больше оставались подъ вліяніемъ сосѣднихъ калмыковъ и киргизовъ и сохраняли въ себѣ родовыя преданія и привычки прежняго кочевого быта. Впрочемъ, повторяю опять, это обусловило въ нихъ только нѣкоторыя особенности экономическаго быта и привычекъ, но не измѣнило племенныхъ свойствъ и признаковъ. Эти послѣдніе у нихъ и теперь волиѣ сходны съ татарскими: та же наружность, тотъ же языкъ, та же религія, тѣ же черты нравственнаго и интеллектуальнаго характера. Отступленія существуютъ только въ образѣ жизни, въ болѣе низкомъ уровнѣ умственнаго и гражданского развитія, въ плохомъ экономическомъ бытѣ. Но все это такія случайныя и переходныя черты, которыя не дадутъ никакого права считать башкирь особымъ, отличнымъ отъ татаръ, народомъ.

По оффиціальнымъ документамъ, башкиры считаются аборигенами занимаемой ими теперь территоріи и отчасти, въ силу этого, собственниками своей земли. Это мнѣніе едва ли можно считать справедливымъ въ строгомъ историческомъ смыслѣ. Если и существуютъ кое-какія указанія, что они обитали здѣсь съ начала X-го вѣка, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они коренные жители страны, а не пришельцы, замѣстившіе собой, напр., какой-нибудь финскій народъ. Данныя для рѣшенія этого вопроса до сихъ поръ еще не выработаны, но ихъ нужно искать не въ историческихъ сочиненіяхъ и не въ преданіяхъ, такъ какъ они не проникаютъ въ глубокую древность, а въ ископаемыхъ памятникахъ страны и названіяхъ рѣкъ, горъ, урочищъ и пр. Къ сожалѣнію, раскопка башкирскихъ и вообще сибирскихъ кургановъ до сихъ поръ производилась весьма недостаточно и не аккуратно. Несмотря однако же на это, и по тѣмъ скуднымъ раскопкамъ, какія до сихъ поръ сдѣланы, кажется, есть основаніе думать, что курганы воздвигнуты не татарскимъ племенемъ, и во всякомъ случаѣ не башкирами. Въ нихъ были находимы болѣею частію мѣдныя и бронзовыя, рѣже золотыя издѣлія (стрѣлы, идолы, предметы домашняго обихода и украшеній) или каменные орудія, что доказываетъ глубокую древность этихъ кургановъ, — принадлежность ихъ къ каменному или бронзовому вѣку. Къ сожалѣнію, я не знаю ни одного изслѣдованія человѣческихъ череповъ, находимыхъ въ этихъ могилахъ, которые, быть можетъ, могли бы выяснить принадлежность ихъ къ той или дру-

гой человѣческой расѣ. Въ народныхъ преданіяхъ курганы болѣею частію называются чудскими могилами. Въ преданіяхъ башкирь съ ними не связывается почти никакихъ историческихъ воспоминаній, за весьма небольшими исключеніями, имѣющими легендарный характеръ и очевидно вымышленными въ позднѣйшее время.

Кромѣ кургановъ, по уральскимъ горамъ при отыскиваніи рудъ нерѣдко находили другіе памятники древнихъ обитателей этой страны, именно слѣды рудныхъ разработокъ, шахты и орудія горнаго дѣла, свидѣтельствующія о существованіи здѣсь въ древніе времена мѣднаго металлическаго производства. Эти находки были настолько обыкновенны, что въ прошломъ столѣтіи, при устройствѣ заводовъ, ими нерѣдко руководились, какъ признаками при отыскиваніи хорошихъ рудъ. Древнія шахты имѣли тотъ отличительный характеръ, что онѣ имѣли видъ узкихъ корридоровъ, едва пропускавшихъ человѣка, простиравшихся иногда на значительное пространство въ глубину. Стѣнки этихъ корридоровъ никогда не были обдѣланы и укрѣплены, поэтому, вѣроятно, нерѣдко обваливались и погребали подъ собой рудокоповъ, что доказывается неоднократно находимыми трупами. Руду по всѣмъ этимъ шахтамъ искали и обрабатывали *исключительно мѣдную* и при плавленіи ея не употребляли ни печей, ни сложныхъ приборовъ, по крайней мѣрѣ таковыхъ не было отыскано. На Уралѣ и Алтаѣ также находимы были слѣды древняго добыванія золота и серебра, но не желѣза. Послѣдняго въ обработанномъ видѣ не найдено ни въ одной шахтѣ. Горныя тяжелыя орудія, напр., молоты, оказывались или каменными, или мѣдными. Извлеченіе рудъ производилось или такими же кирками, или крѣпкими клыками большихъ животныхъ. Отсутствие желѣза здѣсь имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что указываетъ на близкую связь, если не тождество, древнихъ рудокоповъ съ неизвѣстнымъ народомъ, насыпавшимъ по Сибири и Башкиріи большіе коническіе курганы, такъ-называемыя, по народному преданію, «чудскія могилы». Въ этихъ курганахъ тоже находили мѣдь, золото и серебро, но не желѣзо, тогда какъ, наоборотъ, въ монгольскихъ или татарскихъ небольшихъ, продолговатыхъ могилахъ никогда не встрѣчается мѣдныхъ вещей, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

Чудскія шахты по Уралу описывали еще академики *Лепехинъ* и *Палласъ* при своемъ путешествіи по Сибири въ 1770 году. Такъ, напр., по свидѣтельству Лепехина, подобныя шахты были найдены около полескаго завода въ гумешевскомъ рудникѣ, въ

которомъ были отысканы горные инструменты, какъ-то: койлы, молоты и пр., сдѣланные *изъ мѣди*, сумки, рукавицы, кости, деревянные укрѣпленія штольнъ, которыя, по его словамъ, особенную имѣли твердость, и, будучи брошены въ огонь, зеленымъ горѣли пламенемъ со смраднымъ запахомъ (Пут. Зап. Т. 2, стр. 275). По словамъ Палласа, рукавицы и сумки, найденныя въ этомъ рудникѣ на 9-ти-саженной глубинѣ, были шиты изъ лосиной кожи. Рукавицы были выкроены изъ звѣриной головы, съ неочищенной шерстью, такимъ способомъ, что ухомъ надѣвались на большой палецъ и одинаково были удобны для правой и лѣвой руки. Онѣ сохранились настолько хорошо, что даже уцѣлѣла и шерсть. Лосинныя сумки были значительно попорчены. Далѣе Палласъ говоритъ, что въ этомъ рудникѣ была найдена воткнутая въ стѣну полуобгорѣвшая сосновая лучина, служившая для освѣщенія (Палласъ, Т. 2, кн. 1, стр. 199). Въ рудникѣ сангачей, по свидѣтельству того же автора, въ узкихъ круглыхъ чудскихъ каналахъ или ходахъ найдена лепешка сплавленной мѣди, много круглыхъ горшковъ изъ бѣлой глины, въ которыхъ плавилъ мѣдь, и кости рудокопа (Т. 1, стр. 370). По словамъ Лепехина, такая же старинная, такъ-называемая чудская копъ была найдена около каноникольскаго завода, въ бурзянской башкирской волости. «Всѣ рудопромышленники», говоритъ онъ, «единогласно увѣряютъ, что жившая нѣкогда тутъ чудь самую лучшую руду отбирала. Она никогда порядочно руды не добывала, но, лазя подъ землю на подобіе кротовъ, отковыривала лучшую руду кабаньими клыками. Наша чудская копъ казалась намъ быть доказательницею и того, что древнія сѣя страны обитатели промышляли и высокіе металлы» (Т. 2, стр. 97). Подобныя же чудскія шахты Палласомъ найдены были и на Алтаѣ, въ змѣвскомъ рудникѣ. Въ одной изъ такихъ шахтъ, на глубинѣ 10 саженъ, были отысканы, за годъ до пріѣзда Палласа, кирки и другіе горные инструменты, *литые изъ мѣди*. Въмѣсто молотовъ находили иногда продолговато-округлые, крѣпкіе камни съ высѣченнымъ кругомъ жолобкомъ, вѣроятно служившимъ для укрѣпленія ремня, игравшаго роль ручки. Въ одной шахтѣ найденъ былъ скелетъ рудокопа и при немъ кожаный мѣшокъ съ богатѣйшими охрами (Палласъ, Пут. по Россіи Т. 2, кн. 2, стр. 355).

Въ гробницахъ подъ сибирскими курганами по Иртышу и Енисею, равно какъ и по самарской степи около Бузулука, по словамъ Палласа, находили наконечники стрѣлъ, ножи, кинжалы и другіе предметы, выкованные или вылитые изъ мѣди, иногда золотыя и серебряныя вещи, но ни разу не было найдено же-

лѣзныхъ, изъ чего выводять заключеніе, что такъ-называемой чуды не было извѣстно употребленіе желѣза.

Чудскіе курганы слѣдуетъ отличать отъ монгольскихъ или татарскихъ могилъ, во множествѣ разсѣянныхъ по самарской, оренбургской и киргизской степямъ. Они совершенно не похожи другъ на друга ни формой, ни содержаніемъ. Чудскіе курганы гораздо массивнѣе, нерѣдко въ нѣсколько саженъ вышины, конической формы, съ могилами, большею частію выложенными камнемъ или кирпичемъ и находимыми здѣсь мѣдными, золотыми и серебряными издѣліями. Монголо-татарскія могилы состоятъ изъ небольшихъ холмовъ, продолговатой формы, въ 2—3 аршина вышины и аршина въ 3—4 длины. Около нихъ нерѣдко замѣтна выемка земли въ родѣ небольшой мелкой канавы, откуда вѣроятно брали землю для насыпи надъ могилой. Эти холмы почти всегда расположены на открытыхъ высокихъ увалахъ, иногда по нѣскольку рядомъ. На вершинѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ прежде находили круглыя ямы и грубо сдѣланныя изъ камня изображенія человѣческихъ фигуръ. При раскопкѣ этихъ холмовъ на небольшой глубинѣ оказывались угли отъ сожженнаго хвороста, можетъ быть слѣды бывшихъ жертвоприношеній; а у основанія холма — могила, иногда обложенная истлѣвшими досками, и въ ней человѣческія кости. Въ числѣ вещей здѣсь находили чаще всего *жельзные издѣлія* (стрѣлы, клещи, огниво и пр.), рѣже золотыя и серебряныя, и иногда конскія головы. Эти холмы очевидно принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ, чѣмъ курганы, и по всей вѣроятности насыпаны татарами или киргизами. Кромѣ того, въ оренбургскомъ краѣ встрѣчаются старыя могилы съ небольшими холмами изъ набросаннаго камня, повидимому, принадлежащія тоже къ этой послѣдней категоріи.

Чудскіе курганы, какъ извѣстно, разсѣяны по всей сибирской степи. Начиная съ Алтая, они идутъ по Енисею, Иртышу, Тоболу, Исети, Міясу до Уральскаго хребта. Они встрѣчаются также, хотя и въ меньшемъ числѣ, въ самарской и оренбургской степяхъ, напр. въ уѣздахъ бузулукскомъ, верхнеуральскомъ, тройцкомъ, челябинскомъ. Повидимому, ихъ больше всего по Тоболу, Исети и Міясу, около этихъ рѣкъ, въ привольныхъ плодородныхъ мѣстахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они воздвигнуты однимъ и тѣмъ же неизвѣстнымъ народомъ, повидимому давно исчезнувшимъ съ лица земли, но во всякомъ случаѣ не монголами и не башкирами. Тѣ и другіе въ самыя отдаленныя времена умѣли находить и плавить желѣзо, но обработка мѣди имъ и до сихъ поръ почти неизвѣстна. Судя по металлическому производству

и по отдѣлкѣ находимыхъ въ этихъ курганахъ вещей, такъ-называемая чуждъ въ культурномъ отношеніи очевидно стояла выше башкиръ и вѣроятно была ими вытѣснена изъ предѣловъ югозападной Сибири, а можетъ быть и совсѣмъ истреблена.

По названіямъ рѣкъ, озеръ, горъ, урочищъ можно было бы съ значительнымъ основаніемъ судить объ аборигенахъ данной страны, такъ какъ при замѣщеніяхъ одного народа другимъ эти названія большею частію остаются прежними, хотя произношеніе ихъ нерѣдко извращается сообразно съ свойствами и духомъ языка новыхъ поселенцевъ. Этотъ признакъ могъ бы многое выяснитъ относительно исторіи первоначальныхъ жителей не только Башкиріи, но вообще всѣхъ провинцій нашего отечества; но, къ сожалѣнію, я не могу считать себя судьей при рѣшеніи такихъ сложныхъ лингвистическихъ вопросовъ, требующихъ основательнаго знанія не только татарскаго и монгольскаго языка, но и языка многихъ другихъ финскихъ инородцевъ. Относительно Башкиріи и вообще оренбургскаго края все-таки можно сказать, что здѣсь въ названіяхъ рѣкъ встрѣчается весьма много словъ не тюркскаго корня, напр., Самара, Сакмара, Уфа, Икѣ, Уй, Сокъ, Чагра, Міясъ, Иремель, Увелька, Изерь, Кана, Дѣма, Юрезань, Ильмень (озеро въ ильменскихъ горахъ), Орѣ и т. под. Я не могу сказать, какому языку принадлежатъ эти названія, можетъ быть, финскому, или даже болгарскому, но во всякомъ случаѣ ихъ едва ли можно считать исковерканными татарскими словами. Въ послѣднемъ случаѣ башкиры произносили бы ихъ по-своему, какъ это и бываетъ съ другими названіями, напр., рѣчку, называемую русскими Худозавъ, они называютъ *Тюялезъ*, Уртазымъ — *Уртазазымъ*, Иргизъ — *Иркысъ* (сытность, довольство), Эмба — *Джимъ* (кормъ) и т. д.

Рѣки, озера и урочища южныхъ оренбургскихъ и киргизскихъ степей, напротивъ, большею частію носятъ названія татарскія или киргизскія, напр., *Джимъ* (Эмба — кормъ), *Илекъ* (сито), *Иркысъ* (иргизъ), *Яикъ* (отъ *яикмакъ* — расширяться, разливаться?), *Тоболъ* (табыль — находка), *Иртышъ* (иръ-мужъ, тышь — наружность?), *Саясъ* (сѣра), *Сары-су* (желтая вода), *Исыкъ-куль* (ссы-куль — горячее озеро) и т. д. Названіе уральскихъ горъ, а можетъ быть въ связи съ ними и Аральскаго озера (араль), вѣроятно, тоже татарское, отъ слова *уралмакъ* — кружиться, извиваться (повел. накл. ураль — извивайся). Изъ сѣверныхъ рѣкъ *Кама* (камá — выдра), *Исетъ* (исеть — татарское имя), вѣроятно, тоже названы татарами. Собственно въ Башкиріи и вообще въ мѣстахъ, населенныхъ татарами, больше татарскихъ словъ встрѣчается въ на-

званіяхъ поселеній, нежели рѣкъ и озеръ, что совершенно понятно, потому что первые большею частію не перенимались отъ прежнихъ туземныхъ жителей, а давались новыми поселенцами, какъ, напр., *Казань* (казань — котель, котловина), *Бугульма* (отъ бугульмакъ — изгибаться), *Бугульчанъ* (изгибъ, — поселеніе при изгибѣ рѣки), *Бузулукъ* (телячій), *Бузурусланъ*, *Стерлитамакъ* (томакъ, — горло, устье), *Мензелинскъ* (мензяля — становище, мѣсто поселенія, — арабское слово), *Элабура* (алабуга — окунь) и т. п.

На основаніи вышеприведенной лингвистической попытки объяснить происхожденіе географическихъ названій башкирскихъ рѣкъ и мѣстностей, мнѣ кажется, есть нѣкоторая доля вѣроятія считать башкиръ не аборигенами своей страны, а народомъ пришлымъ, водворившимся на мѣстахъ, прежде занятыхъ другими народностями. Иначе нельзя объяснить тѣхъ чуждыхъ татарскому языку названій рѣкъ и озеръ, которыя очевидно были усвоены отъ другого народа и сохранились до сихъ поръ, какъ сохранились, напр., нерусскія названія многихъ великорусскихъ рѣкъ и озеръ (*Сура*, *Цна*, *Упа*, *Ока*, *Мста*, *Ильмень* и пр.). Если бы аборигенами страны были башкиры, то, конечно, ихъ языкомъ обозначались бы названія не только городовъ и поселеній, но и рѣкъ, и озеръ. Это отчасти согласуется и съ историческими указаніями на заселеніе за-уральскаго края. Къ XVI столѣтію между уральскими горами и Иртышемъ широкую полосу земли занимали вогулы, отгѣсняемые впоследствии татарскими племенами все болѣе и болѣе къ сѣверу; на Ишимѣ и Тоболѣ распространялись калмыки, владѣнія которыхъ къ сѣверу простирались даже до челябинскаго и шадринскаго уѣздовъ¹⁾.

Еще прежде въ предѣлахъ теперешней самарской губерніи обитали болгары. Наконецъ, многочисленныя финскія племена, остатки которыхъ въ Башкиріи существуютъ до сихъ поръ, тоже, вѣроятно, когда-нибудь считали эту территорію своей собственной. Въ видахъ всего этого разрѣшить вопросъ о первенствѣ заселенія или занятія башкирскихъ земель, а тѣмъ болѣе рѣшить этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ въ пользу башкиръ, нѣтъ никакого основанія.

Теперь я считаю не лишнимъ коснуться физической и нравственной характеристики башкиръ, такъ какъ, сколько я замѣ-

¹⁾ Въ шадринскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Течѣ существуетъ теперь большое село Бродокалмыцкое (калмыцкій бродъ), въ которомъ еще сохраняется преданіе о существованіи на этомъ мѣстѣ калмыцкихъ юртовъ, но конемъ и было дано названіе теперешнему русскому поселенію.

тилъ, многіе даже изъ лицъ, близко поставленныхъ къ этому народу, имѣютъ о немъ смутное, даже извращенное понятіе.

По типу лица башкиры не представляютъ рѣзкаго отличія отъ татарскаго племени вообще. Если поставить ихъ рядомъ съ казанскими, крымскими и астраханскими татарами, даже съ типическими венгерцами, то едвали возможно по одному складу головы и лица отличить башкира отъ остальной татарской толпы. Та же круглая, довольно большая голова, сѣрые или каріе, большею частію плоскіе и довольно узкіе глаза, прямой и небольшой лобъ, оттопыренные большія уши, рѣдкая, небольшая борода¹⁾. Выраженіе лица у башкиръ не только не безобразно, но нерѣдко даже очень красиво. Я не знаю, въ силу чего укоренилось общее предубѣжденіе относительно красоты башкиръ. Большая часть рисуютъ ихъ (въ своемъ воображеніи) съ звѣрскимъ монгольскимъ типомъ, съ угловатыми чертами лица, съ косыми глазами. Можетъ быть, поводомъ къ этому послужилъ ихъ національный костюмъ, въ которомъ они, въ качествѣ башкиро-мещерякскаго войска, представлялись нашему наблюденію; можетъ быть, многіе не различали ихъ отъ киргизовъ, или, еще чаще, представляли ихъ себѣ по усвоеннымъ съ дѣтства понятіямъ о монгольскихъ ордахъ. Правда, костюмъ много измѣняетъ чело-вѣка. Французъ, наряженный зуавомъ, легко можетъ быть принять за инородца; точно также и башкиръ въ своемъ національномъ костюмѣ, съ оригинальной посадкой на своей степной лошади, съ перваго взгляда скорѣе можетъ показаться киргизомъ, нежели мирнымъ татаринкомъ. Но посмотрите на него въ домашнемъ быту, особенно въ европейскомъ или русскомъ костюмѣ, впечатлѣніе тогда будетъ совсѣмъ другое. Мнѣ приходилось много разъ видѣть образованныхъ башкиръ и башкирокъ въ русскомъ платьѣ и при хорошей обстановкѣ; въ этихъ случаяхъ обыкновенно не такъ легко было угадать ихъ башкирское происхожденіе. Если чтоъ выдаетъ ихъ національность, то развѣ глаза и уши, въ остальномъ башкира не легко отличить отъ смѣшанныхъ ти-

¹⁾ Можетъ быть, рѣдкая борода у башкиръ отчасти зависитъ и оттого, что у нихъ изстари существовалъ обычай выщипывать волосы. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Лепехинъ: „молодые башкирцы, не привыкшіе еще имѣть мохнатое рыло и будучи отдалены отъ сообщества голобородыхъ, смѣшное въ бритью бороды употребляютъ средство. Они натираютъ себѣ бороду каленой золой и, ссучивъ крѣтую нитку, съ отмыннымъ проворствомъ и искусствомъ вкручиваютъ волосы по два и вырываютъ“ (стр. 267, т. 2). Если такой обычай существовалъ очень долго, то онъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ башкиръ могъ произвести отличающую ихъ теперь жидкую и рѣдкую бороду.

повъ русскаго племени. Ростъ башкиры имѣютъ большею частію средній, сложеніе не очень крѣпкое, но тѣмъ не менѣе они довольно сильны и способны переносить большіе труды и лишенія. До какой степени они закалены воспитаніемъ противъ климатическихъ и экономическихъ невгодъ, въ этомъ я имѣлъ много случаевъ убѣдиться во время своего путешествія. На работѣ, напр., при уборкѣ полей, на золотыхъ приискахъ, на заводахъ, гдѣ я видѣлъ ихъ цѣлыми сотнями, они, по общему отзыву, трудолюбивы, аккуратны, но *не споры*, т. е. не имѣютъ той выдержки и умѣлости, каковая замѣтна у русскихъ. Поэтому заработная плата имъ дешевле, а урочную работу они выполняютъ по крайней мѣрѣ на треть меньше, нежели крестьяне. За то тамъ, гдѣ въ работѣ требуется не масса труда, а аккуратность, башкирами очень довольны; поэтому, напр., на золотыхъ приискахъ имъ нерѣдко поручаютъ конецъ промывки, такъ-называемую головку, гдѣ золотой песокъ отдѣляется отъ марганца и другихъ металлическихъ примѣсей. На заводахъ деликатныя части работъ рѣдко поручаются башкирцамъ, потому что здѣсь требуется не только сила и аккуратность, но и умѣнье, котораго у нихъ еще недостаетъ; поэтому, тамъ они большею частью исполняютъ чисто механическій трудъ: рубятъ и возятъ дрова, приготавливаютъ уголь, доставляютъ руду и пр.

Я слышалъ, что о башкирахъ въ умахъ мѣстной нашей администраціи составилось такое понятіе, что они, съ дѣтства приученные къ наѣздничеству, почти не умѣютъ ходить, или по крайней мѣрѣ съ трудомъ переносятъ многоверстные переходы. Это несправедливо. Въ силу родовой привычки, дѣйствительно, они предпочитаютъ ѣздить верхомъ и съ дѣтства лихіе наѣздники и великолѣпные ямщики, но при всемъ томъ они въ состояніи ходить пѣшкомъ больше и скорѣе русскаго мужика. При крайней нищетѣ, у многіхъ башкиръ въ настоящее время даже совсѣмъ нѣтъ лошадей, и уже по этому самому они всѣ передвиженія принуждены дѣлать пѣшкомъ. Органы чувствъ у башкиръ развиты до замѣчательной тонкости. Ночью и днемъ они въ состояніи различать предметы на недосягаемомъ для насъ разстояніи, равно какъ уловить звуки, далеко не долетающіе еще до нашего уха.

Здоровье у башкиръ можно считать очень хорошимъ въ томъ смыслѣ, что организмъ ихъ гораздо болѣе закаленъ противъ всѣхъ стихійныхъ невгодъ, нежели организмъ другихъ инородцевъ и русскихъ, привыкшихъ къ большимъ жизненнымъ удобствамъ и, такъ-сказать, болѣе извѣженныхъ. Башкиры не зна-

ють, что такое простуда или неудобоваримая пища. Если они вымираютъ отъ эпидемическихъ болѣзней, напр., отъ голоднаго тифа, то это происходитъ не отъ слабости ихъ организаціи, а отъ нищеты и крайне тяжелой жизненной обстановки вообще. Ниже, при вопросѣ о вырожденіи башкиръ, я укажу подробнѣе на эти бичи и на тѣ страшныя опустошенія, которыя они производятъ въ рядахъ населенія.

Говорили также, что между башкирами сильно развитъ сифилисъ, для противодѣйствія которому въ оренбургскомъ краѣ, или правильнѣе въ Оренбургѣ, содержали даже специальныйъ врачебный составъ, довольно дорого стоившій и совершенно непримѣнимый къ практическимъ цѣлямъ. Чтобы имѣть доступъ къ искорененію этой болѣзни въ женскомъ населеніи, щадя при томъ мусульманскіе обычаи и предрасудки, правительство озаботилось даже приготовить для башкирокъ врача-женщину; но всѣ эти мѣропріятія успѣли просуществовать въ теченіе 7 — 8 лѣтъ только на бумагѣ. Въ настоящее время, когда вопросъ о башкирскомъ сифилисѣ пересталъ быть вопросомъ дня и не стоитъ ужасающимъ привидѣніемъ предъ глазами администраціи, невольно спрашиваемъ себя: откуда взялся этотъ минувшій страхъ? Дѣйствительно ли у башкиръ сифилисъ принялъ ужасающіе размѣры и вынудилъ правительство прибѣгать къ экстраординарнымъ средствамъ? Мнѣ кажется, что все это было преувеличено. Я объѣхалъ большую часть Башкиріи въ 4-хъ губерніяхъ, по трактамъ и проселкамъ, и могу сказать, что ни разу не видалъ ни одного сифилитическаго пятна или знака. Между тѣмъ извѣстно, что сифилисъ не такая болѣзнь, которую легко было бы скрыть отъ взоровъ врача-наблюдателя. Не отвергая возможности единичныхъ случаевъ, мнѣ кажется, можно утверждать, что повальное распространеніе этой болѣзни въ Башкиріи едва ли существовало. Я позволяю себѣ сомнѣваться въ этомъ, потому что въ такой короткій срокъ сифилисъ не могъ исчезнуть самъ собой; точно также, какъ не могъ онъ и быть уничтоженнымъ медицинскими мѣрами, въ несостоятельности и непрактичности которыхъ сознается и сама администрація, закрывъ госпитали и уничтоживъ специальный штатъ медиковъ. — Нравственныя качества башкиръ характеризуются такъ: «они подозрительны, скрытны, легковѣрны, хитры, мстительны, склонны къ воровству, лѣни прайдности, любятъ заводить тяжбы съ сосѣдями» (Списки населенныхъ мѣстъ російской имперіи, оренб. губ. — 1871 года, стр. 87). Мнѣ кажется, въ этой характеристикѣ авторъ впадаетъ въ крайность, порицая башкиръ и не находя въ нихъ ни одной

порядочной нравственной черты. Я согласенъ, что они подозрительны, скрытны, склонны къ лѣни и прайдности; но все это легко объясняется ихъ слабымъ гражданскимъ развитіемъ и отношеніями къ остальному населенію. И прежде, и до сихъ поръ башкиръ эксплуатировали со всѣхъ сторонъ, какъ неразумныхъ дѣтей, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что они подозрительны и скрытны. Легковѣрность, прайдность и лѣнь обусловливаются неразвитостію и сохраняющимися еще привычками къ прежней полукочевой жизни. Но я бы никогда не рѣшился сказать, что они мстительны и склонны къ воровству. Напротивъ, мнѣ они показались до наивности добрыми, очень услужливыми, переносливыми въ обидахъ и оскорбленіяхъ. Это — дѣти природы, несчастные, забытые, но по природѣ кроткіе и едва ли способные, по крайней мѣрѣ теперь, на какія бы то ни было рѣзкія оппозиціи и мстительныя выходки. Сколько разъ приходилось мнѣ слышать ихъ жалобы на стѣсненное положеніе, на явные обманы, особенно по поводу продажи земель и угодій. Пользуясь ихъ простотой, у нихъ покупали превосходныя земли по полтинѣ или по рублю за десятину, и имъ же отдавали эту землю, назначая ту же цѣну, какъ арендную плату въ годъ. Башкиры поймутъ сдѣланную ими глупость, сожалеютъ о своей простотѣ, но не злобствуютъ. То же самое относительно властей. Несмотря на самыя крутыя мѣры, предпринимавшіяся для ихъ цивилизаціи, они совершенно безропотно подчинялись всѣмъ ломкамъ и нововведеніямъ, несмотря на то, что совершенно не понимали и не признавали ихъ пользы и значенія. Отъ всѣхъ чиновниковъ я слышалъ одинъ общій отзывъ, что башкиры очень смиренны, и съ ними, какъ съ дѣтьми, можно дѣлать все, что угодно. Духъ вѣрнопопданства у нихъ развитъ ничуть не менѣе, чѣмъ у коренныхъ русскихъ жителей. И это понятно. У нынѣшнихъ башкиръ, повидимому, не осталось даже воспоминанія о своей прежней политической исторіи, слѣдовательно нѣтъ ни разочарованій, ни стремленій къ какому бы то ни было лучшему политическому идеалу. Все слышанное ими отъ стариковъ и ихъ предковъ говоритъ о подчиненіи русскому царю; вопросъ о подчиненіи вошелъ въ ихъ плоть и кровь, и едва ли оставляетъ въ умахъ башкиръ мѣсто для идеи о какой бы то ни было другой политической зависимости или независимой свободѣ. Оттого на всѣ государственныя повинности, въ томъ числѣ и на воинскую, они смотрятъ, какъ на дѣло законное и неизбежное, и если подчасъ внутренне тяготеютъ ими, то единственно по поводу своего разореннаго состоянія. Я замѣтилъ даже, что башкиры гордятся

своими военными заслугами, съ удовольствіемъ вспоминая тѣ или другіе эпизоды изъ жизни существовавшихъ прежде башкиро-мещерякскихъ полковъ. Точно также не только послушно, но и сочувственно они относятся къ предстоящей всесословной воинской повинности. Мнѣ кажется, имъ даже пріятно сознание, что ихъ не обошли, а сравняли съ остальными элементами населенія, и въ ихъ воображеніи уже рисуются подвиги лихого наѣздника, въ которыхъ они не только сравниваются, но даже превзойдутъ своихъ давнишнихъ соперниковъ—казаковъ. Башкиръ охотнѣе идетъ въ военную службу, потому что онъ не имѣетъ такой привязанности къ дому, такой хозяйственной ослѣдлости, какъ крестьянинъ, которому воинская повинность, кромѣ грустной разлуки, даетъ еще чувствительный экономическій ущербъ. Башкиръ же отъ природы авантюристъ, весьма плохой хозяинъ, бѣднякъ, и скитальческая жизнь ему болѣе по вкусу. Къ тому же, онъ весьма любитъ внѣшнія отличія. Старые воины и до сихъ поръ съ гордостію щеголяютъ между своими однопорядочниками нашивками и значками, которые остались имъ отъ прежней службы.

Объ умственныхъ качествахъ башкиръ судить довольно трудно, потому что сфера ихъ дѣятельности не такова, чтобы дать возможность проявиться этимъ качествамъ во всей ихъ природной силѣ. Здѣсь можетъ быть вопросъ не о талантахъ, а о народномъ смыслѣ, находчивости, понятливости, однимъ словомъ, о тѣхъ задаткахъ, на основаніи которыхъ можно ожидать будущаго развитія прирожденныхъ способностей. Въ этомъ смыслѣ, мнѣ кажется, башкиръ можно считать людьми очень способными, по крайней мѣрѣ далеко превосходящими тупыхъ и умственно неповоротливыхъ инородцевъ финскаго племени. Въ дорогѣ, напр., при крайнихъ неудобствахъ сообщенія и при всевозможныхъ препятствіяхъ и случайностяхъ, они оказывались предусмотрительными и находчивыми. То же замѣтно и всюду на работахъ, особенно на тѣхъ, въ которыхъ они чувствуютъ влеченіе ¹⁾. Здѣсь

¹⁾ Большую часть домашнихъ работъ у башкиръ производятъ женщины. Онѣ портяжатъ, сапожничаютъ, кожевничаютъ и валяютъ войлоки. Приготовленіе кожи у нихъ до сихъ поръ еще производится по старому, собственному способу. Сырую кожу туго растягиваютъ на солнцѣ колышками и соскабливаютъ съ нея шерсть обломкомъ косы, обдѣланымъ въ дерево на подобіе скобеля. На другую весну кожу коптятъ въ особенныхъ закрытыхъ ямахъ. Сюда напускаютъ дымъ отъ тлѣющихъ гнилушекъ и держатъ въ этомъ дымѣ развѣшенные кожи 2—3 недѣли. Изъ такой кожи они, кромѣ обуви, готовятъ и всю домашнюю утварь, какъ-то: ведра, кадушки, турсуки (родъ бутылки). Турсуки болѣею частію готовятся изъ дѣл-

въ пріемахъ башкиръ виденъ не только здравый смыслъ, но даже нѣкоторый родъ изобрѣтательности. Вообще умъ ихъ отличается живостью и подвижностью, какъ и вообще весь характеръ; оттого они чувствуютъ большую склонность къ такого рода занятіямъ, гдѣ требуется не одна механическая и рутинная привычка, а разнообразіе пріемовъ и личное соображеніе. Мнѣ кажется, изъ башкиръ могли бы выдти хорошіе скотоводы, ремесленники, фабриканты, купцы. Личный вкусъ и разнообразіе въ занятіяхъ, кажется, имъ всегда будутъ пріятнѣе монотоннаго хлѣбопашества, — это особенность подвижной природы. Чтô могла бы выработать изъ башкиръ цивилизація въ будущихъ поколѣніяхъ—рѣшить трудно; но, мнѣ кажется, есть основаніе думать, что они не были бы хуже, напр., одноплеменныхъ имъ венгерцевъ. При существующихъ географическихъ и политическихъ условіяхъ для башкиръ, конечно, немислимо какое бы то ни было самостоятельное развитіе, въ смыслѣ отдѣльной народности; но тѣмъ не менѣе для насъ весьма важенъ вопросъ объ успѣхахъ ихъ будущей интеллигенціи, потому что они рано или поздно должны дѣлкомъ войти въ составъ русскаго племени. Для насъ не безразлично, какіе элементы поглощаетъ въ себя русское племя, чѣмъ оно пополняется, изъ чего растетъ. Ассимилируя въ обширныхъ размѣрахъ разныя народности, весьма легко можно ослабить даже самую способную и крѣпкую расу, если только входящія вновь въ составъ ея элементы будутъ гораздо слабѣе и хуже. Относительно Россіи такія опасенія были уже высказываемы нѣсколько разъ, причемъ особенно указывали на входящія въ составъ ея татарскія племена, съ которыми, дѣйствительно, помѣсь у насъ происходитъ весьма давно и весьма дѣятельно. Мнѣ кажется, эти опасенія не имѣютъ никакого основанія. Природа тюркскихъ племенъ сама по себѣ не имѣетъ ничего дурного; напротивъ, это способная, сильная и энергическая натура. Если эти племена въ самобытномъ видѣ дали мало историческихъ результатовъ развитія, въ этомъ виновата не натура ихъ, а вліяніе политическихъ и религіозныхъ условій. Если бы на пути развитія тюркскаго племени не стояли магометанскій фанатизмъ и деспотическіе принципы управленія, при полномъ отчужденіи этихъ народовъ отъ европейской культуры, то по всей вѣроятности исторія ихъ въ настоящее время представляла бы совсѣмъ другую картину. Поэтому, мнѣ кажется, что асси-

ной (неразрѣзной) кожи, снятой съ верхней части коровьей или лошадиной ноги. Въ узкое отверстіе этой конической трубки вшивается дно, тоже изъ кожи. Шьютъ башкиры болѣею частію не нитеями, а тоже тонкими ремешками или сухожилиями.

миляція башкиръ и татаръ вообще для господствующей русской народности не только не вредна, но можетъ быть даже полезна, именно потому, что эти ивородцы могутъ внести въ типъ русскаго характера больше живости и подвижности. Другое дѣло финскія племена. Отъ природы вялыя, съ ограниченными умственными задатками, они не могутъ прибавить живой силы въ славянскую расу, а скорѣе въ состояннн разжидить, ослабить ея энергію. Помѣсь съ ними, еслибы она совершалась въ крупныхъ размѣрахъ, могла бы отразиться вредно, питая вялость и апатію, и безъ того не чуждую (можетъ быть именно вслѣдствіе этой помѣси) нашему народу.

Образъ жизни башкиръ—по официальнымъ свѣдѣніямъ, кочевой или полу-кочевой. На этомъ выраженіи я долженъ остановиться, потому что здѣсь, мнѣ кажется, вкралось или смѣшеніе понятій, или слово «кочевой» употребляется въ официальныхъ бумагахъ только по старой привычкѣ. Подъ выраженіемъ «кочевья племена» мы привыкли разумѣть такое народонаселеніе, которое не имѣетъ осѣдлости, т.-е. опредѣленнаго мѣста жительства, не имѣетъ домовъ и земельныхъ надѣловъ, а *перекочевываетъ* съ своими пожитками и стадами съ мѣста на мѣсто. Таковы, напр., киргизы, располагающіе свои палатки тамъ, гдѣ найдутъ кормъ для своего скота и, по мѣрѣ истребленія этого корма или по времени года, перекочевывающіе дальше, иногда на очень большія пространства. Ихъ можно бы было назвать *полукочевыми* въ томъ случаѣ, если бы они вышеупомянутыя передвиженія дѣлали только въ извѣстное время года, а затѣмъ, напр., зимой, устраивались бы на опредѣленныхъ, однихъ и тѣхъ же зимнихъ помѣщеніяхъ. Ни того, ни другого условія башкиры не представляютъ. Всѣ они безъ исключенія имѣютъ дома, живутъ въ деревняхъ, пользуются опредѣленными земельными надѣлами, на которыхъ занимаются хлѣбопашествомъ или другими промыслами и ремеслами и въ этомъ отношеніи отличаются отъ крестьянъ или другихъ осѣдлыхъ ивородцевъ развѣ только степенью своего благосостоянія ¹⁾. Одно, что могло бы дать поводъ къ закрѣпленію за башкирами названія полукочевого племени, это—обычай съ на-

¹⁾ Оригинально опредѣляетъ ихъ въ этомъ отношеніи академикъ Лепехинъ (1770 г.), называя башкирцевъ по роду жизни „*между дикими и градолюбивыми народами*“. „Суровость зимы“, говоритъ онъ, „глубокіе снѣга и сильныя бураны принуждаютъ ихъ, по обыкновенію другихъ татаръ, препровождать зиму въ деревняхъ и въ деревянныхъ художиженныхъ дворахъ, гдѣ они также малолѣтній скотъ и вѣзжалыхъ лошадей содержатъ, а прочая скотина шатается всю зиму въ полѣ“. (Дневн. Зап. Путеш. т. 2, стр. 36, 1772 г.)

ступленіемъ весны переселяться на такъ-называемые *коши*, т.-е. въ войлочныя кибитки, которыя они, въ видѣ лагеря, разбиваютъ на своихъ поляхъ или лугахъ. Въ мѣстахъ безлѣсныхъ эти лѣтнія помѣщенія дѣлаются изъ войлочныхъ палатокъ, а въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ, они состоятъ изъ деревянныхъ избушекъ или берестяныхъ шатровъ, остающихся всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ. Впрочемъ, эти лѣтнія переселенія существуютъ далеко не у всѣхъ башкиръ, а много если у половины, именно только тамъ, гдѣ осталось еще очень много луговъ и гдѣ эти луга расположены далеко отъ деревни. И въ этомъ случаѣ такъ-называемая перекочевка не служитъ выраженіемъ прежнихъ кочевыхъ привычекъ, а просто обусловливается хозяйственными соображеніями и удобствами. Въ многоземельныхъ мѣстностяхъ не только башкиры, но и русскіе крестьяне нерѣдко переселяются на отдаленныя поля и покосы, и живутъ тамъ съ дѣтьми и скотомъ по цѣлымъ недѣлямъ въ особенно устроенныхъ избушкахъ. Это совершенно понятно, потому что крестьянину и башкиру не удобно и не выгодно каждый день возвращаться въ деревню съ отдаленнаго поля. Башкиры въ своихъ лѣтнихъ палаткахъ и избушкахъ занимаются сѣнокосомъ, гонкой дегтя и смолы, рубкой дровъ, смотря по мѣстности. Здѣсь же, по близости, у нихъ пасется скотъ. Такимъ образомъ, лѣтнія кочевки у нихъ не имѣютъ ни одного признака полу-кочевого состоянія. Если бы даже допустить, что нѣкоторыя башкирскія семейства выѣзжаютъ на коши только для приволья и удобства, и тогда они были бы настолько же кочевымъ народомъ, насколько можно назвать этимъ именемъ, напр., новодеревенскихъ дачниковъ, уже не говоря о дачникахъ оренбургскихъ, которые лѣтомъ изъ душнаго города буквально поселяются въ башкирскихъ кибиткахъ (юламейкахъ), въ такъ-называемой «рощѣ», за рѣкой Ураломъ. Такихъ претензій до удобствъ и приволья у башкиръ и нѣтъ. У кого нѣтъ скота и лѣтней полевой работы, другими словами, кто окончательно разоренъ, тотъ обыкновенно лѣтомъ остается дома, въ деревнѣ, или идетъ куда-либо на заработки. Такихъ деревень я видѣлъ очень много и, бывало, спросишь: отчего они не выѣхали на коши? обыкновенный отвѣтъ: нѣтъ скота, земля не обрабатывается, или отдана въ аренду, стало-быть, въ полѣ и дѣлать нечего. Кромѣ этихъ бѣдняковъ, есть между башкирами немало деревень зажиточныхъ, тоже не выѣзжающихъ на коши: это всѣ тѣ, у которыхъ земельные надѣлы расположены близко около села. Такихъ башкиръ, которые выѣзжали бы на лѣтнія кочевки только изъ любви къ лѣсамъ и лугамъ, гдѣ они въ

лѣни и праздности любовались бы природой, питаясь кумысомъ отъ своихъ табуновъ, словомъ, изображали бы собой типъ кочующаго номада, я ни разу не видалъ, да ихъ и нѣтъ во всей Башкириі. Поэтому, мнѣ кажется, что для избѣжанія запутанности понятій и представленій, слѣдовало бы давно перестать именовать башкиръ кочевымъ или полу-кочевымъ народомъ. Это поддерживаетъ только ложное представленіе объ ихъ гражданскомъ бытѣ, ставить ихъ на полу-дорогѣ къ киргизамъ и заставляетъ подчасъ принимать совсѣмъ не тѣ мѣры, которыя были бы наиболѣе полезны и для интересовъ Россіи, и для ихъ собственнаго благосостоянія.

Въ прежнее время, напр. въ концѣ прошлаго столѣтія, когда было больше простору, башкиры со всѣмъ скотомъ перекочевывали иногда версты на 100 и болѣе отъ своихъ деревень, сохраняя ближайшіе луга для осенняго сѣнокоса. Лѣтомъ они питались исключительно своими стадами, не употребляя хлѣба. Несмотря на это, даже и тогда у нихъ до нѣкоторой степени было уже развито хлѣбопашество и была полная осѣдлость. Академикъ Лепехинъ говоритъ, что прежде чѣмъ отправляться на коши, башкирцы сѣяли около деревни хлѣбъ, сколько нужно для своей зимней надобности и убирали его осенью, возвращаясь въ деревню. Тогда же производили они и сѣнокосъ. Землю они пахали сабаномъ, сѣно косили горбушами, подобно всѣмъ сибирскимъ крестьянамъ (Зап. Пут. 1772 г., т. 2, стр. 37). При Лепехинѣ большинство башкиръ жило богато и привольно. Не говоря о громадныхъ табунахъ скота, даже осѣдлое земледѣльство во многихъ деревняхъ было развито очень хорошо. Вотъ какъ онъ, напр., описываетъ деревню Казылбаеву: «по рѣкѣ Ай до Красноуфимска живутъ хлѣбопашцы (башкиры) и не втунѣ пользуются привольными мѣстами; да и самые башкирцы на Аѣ *переродились*. Они столько же хорошіе хлѣбопашцы, какъ и ихъ сосѣди. На ключахъ, изъ горъ бѣгущихъ, построена у нихъ изрядная мучная мельница. Домашняя чистота не менѣе у нихъ примѣчается, такъ и у мещеряковъ и другихъ ясапныхъ татаръ, а которые позаживнѣе, — держутъ и виноградные напитки, чай и кофе». Правда, это относилось только къ нѣкоторымъ деревнямъ, но уже давало Лепехину надежду, что «всю башкирскую орду наши внучата въ такомъ увидятъ порядкѣ» (стр. 244). Надежды его, къ сожалѣнію, не оправдались.

Постройка домовъ у башкиръ по наружной архитектурѣ ничѣмъ не отличается отъ русскихъ или татарскихъ деревень. Типъ избы тотъ же самый, равно какъ и расположеніе улицъ, но при

всемъ томъ опытный глазъ большею частію съ перваго же раза отличить башкирскую деревню отъ русской, даже если не брать во вниманіе мечеть. Дома башкиръ всюду носятъ отпечатокъ какой-то неоконченности, или полуразрушенія: въ одномъ мѣстѣ недостаетъ воротъ, въ другомъ крыши, почти всюду полуразрушенныя хозяйственныя постройки; однимъ словомъ, въ нихъ не видно той хозяйственной уютиности и заботливости, какъ въ русскихъ домахъ. Это, съ одной стороны, объясняется и бѣдностью, плохимъ хозяйствомъ, съ другой — и нерадивостью, отсутствіемъ той любви къ своему жилищу, съ которой обряжаетъ его русский крестьянинъ. Даже въ деревняхъ богатыхъ, гдѣ башкиры очень успѣшно занимаются земледѣліемъ, или другими промыслами, не выѣзжаютъ на коши и живутъ зажиточно, и тамъ дома ихъ все-таки оказываются какими-то оголенными, неприбранными. Если вы среди этихъ домовъ увидите нѣсколько вполне благоустроенныхъ, съ хорошими стеклянными окнами, тесовыми воротами и цѣльной крышей на пристройкахъ, то навѣрное можете сказать, что здѣсь живутъ русскіе крестьяне. Отсутствіе домовитости и любви къ своему жилищу есть отличительная черта башкиръ и, можетъ быть, слѣдствіе ихъ прежнихъ кочевыхъ привычекъ.

Внутреннее устройство домовъ тоже представляетъ нѣкоторыя особенности. Первое, что здѣсь бросается въ глаза, — это устройство печи или *чувала*, который напоминаетъ собою каминъ, съ прямой трубой и огромнымъ отверстіемъ для дровъ. На эти чувалы нельзя не обратить вниманія, потому что они весьма часто служатъ причиной гибели дѣтей. При зимней стужѣ ребенокъ близко подходитъ къ большому огню, воспламеняетъ свое платье, или даже просто падаетъ въ чуваль. При безпечности родителей и при множествѣ дѣтей въ тѣсномъ помѣщеніи, такіе несчастные случаи сторанія бывають весьма часто; поэтому было бы далеко не лишней мѣрой прямо запретить такое устройство печей.

Далѣе, мебельровку избы составляютъ нары, расположенныя вокругъ стѣнъ и покрытыя войлоками; здѣсь же, у болѣе зажиточныхъ, лежатъ перины и подушки. Наконецъ, вы найдете одинъ или нѣсколько сундуковъ, нерѣдко самоваръ съ чайнымъ приборомъ, — вотъ и все богатство башкирской избы. Въ чуваль находится котелъ, гдѣ готовятъ пищу, тутъ же и стирають бѣлье, если этимъ словомъ можно назвать грязныя и дырavyя тряпки. При употребленіи пици башкиры не знаютъ ни ножей, ни вилокъ, которые замѣняются пальцами. При такомъ образѣ жизни, конечно, нельзя и думать о чистоплотности, тѣмъ болѣе,

что употребленіе мыла и бани къ башкирамъ до сихъ поръ еще не привилось. Оттого въ ихъ платьѣ и жилищахъ разводится немѣтное количество плотоядныхъ насѣкомыхъ.

Относительно башкирской пищи существуетъ много ходячихъ басенъ, которыя если не въ современной печати, то въ устахъ рассказчиковъ пользуются кредитомъ достовѣрности. Я, напр., слышалъ нѣсколько разъ, будто башкиры ѣдятъ сырое конское мясо, даже полусгнившую падалъ, что они имѣютъ обычай класть это мясо подъ сѣдло, на спину лошади, и ѣдятъ на немъ, чтобы такимъ образомъ приготовить его удобосѣдаемость. Все это — чистый вымыселъ. Правда, что пища башкиръ незатѣйлива, своеобразна; но эта не пища дикаря. Они имѣютъ даже свою національную кухню, довольно разнообразную и, по ихъ понятіямъ, очень вкусную. Главнымъ питательнымъ матеріаломъ у нихъ служить конское и баранье мясо, затѣмъ молоко и его продукты, и наконецъ разная крупа и мука. Изъ этихъ матеріаловъ у нихъ готовится: *чуръ-паря* — маленькіе пирожки съ изрубленнымъ мясомъ, сваренные въ водѣ или маслѣ; *бишъ-бармакъ* — вареное тѣсто съ мясомъ и саломъ; *крутъ* — засушенный творогъ, родъ сыра; *коймакъ* — топленое молоко со сметаной, *катыкъ* — квашеное молоко; *баламыкъ* — отваръ мяса съ натертымъ крутомъ и крупой; *курмакъ* — поджаренный ячмень съ коноплянымъ сѣменемъ и коровьимъ масломъ; *салма* — отварное тѣсто, кусочками, съ солью; *юра* — родъ ячменной похлебки съ кислымъ молокомъ; болѣе деликатное кушанье — *пловъ* — вареный рисъ, перемѣшанный съ мелкими кусочками мяса и облитый масломъ или молокомъ. Къ самымъ распространеннымъ напиткамъ принадлежитъ извѣстный всѣмъ *кумысъ*; онъ же служитъ и отличнымъ питательнымъ средствомъ.

Надобно замѣтить, однакоже, что перечисленныя національныя кушанья появляются на столѣ только у болѣе зажиточныхъ башкиръ, слѣдовательно, у очень немногихъ и очень рѣдко; большинство ихъ довольствуется крутомъ и салмою, а то и просто ячменной или ржаной болтушкой, которую изъ экономіи употребляютъ въ весьма умѣренномъ количествѣ, лишь бы только чуть-чуть утолить свой голодъ. Лѣтомъ еще, при подножномъ кормѣ скота, продовольствіе идетъ порядочно; но съ наступленіемъ зимы большинство башкиръ, равно какъ и ихъ скоть, начинаютъ голодать и принуждены бываютъ брать муку у русскихъ мужиковъ или промышленниковъ въ счетъ будущей аренды своихъ угодій, или въ счетъ будущихъ заработковъ. Такимъ образомъ они закабалаются на заводы, золотые пріиски, или на полевая

работы. Тѣ изъ нихъ, которые лѣтомъ запасли какіе-либо продукты промышленности, напр. деготь, медъ, лѣсъ, звѣринныя шкуры, даже сѣно, принуждены бываютъ, чтобы не умереть съ голоду, продавать это за половинную цѣну, если еще не успѣли отдать за прежніе долги. Вообще экономическое положеніе башкиръ чрезвычайно плохо. Мы сильно ошибемся, если будемъ рисовать ихъ, какъ дѣтей счастливой Аркадіи, среди своихъ табуновъ наслаждающимися красотами природы и упивающимися своимъ вкуснымъ національнымъ напиткомъ — кумысомъ. Табуновъ этихъ давно уже нѣтъ; кумысъ остался кое-гдѣ, у самыхъ богатыхъ. Сплошь и рядомъ у башкиръ нѣтъ ни овцы, ни лошади, никакого имущества, кромѣ дырявой рубахи и лаптей. Я видѣлъ даже такихъ, которые лѣтомъ ходятъ (на работахъ) совсѣмъ безъ рубахи, босые, съ непокрытой головой, прикрывъ нижнюю часть тѣла дырявыми тряпками, въ родѣ панталонъ. Нужно быть башкиромъ, чтобы безропотно переносить такую бѣдность, мириться съ ней и не сдѣлаться нищимъ-попрошайкой или преступникомъ (просящихъ милостыню я ни разу не встрѣчалъ). Нѣкоторые говорятъ, что башкиры переносятъ лишенія потому, что они не привыкли къ лучшему, что кругъ ихъ потребностей слишкомъ ограниченъ. Если въ этомъ и есть доля правды, то весьма не большая. Что они знаютъ и понимаютъ лучшую жизнь, этому доказательствомъ служить ихъ недавнее прошлое, когда, дѣйствительно, у нихъ было много всякаго скота и пищи, были и деньги. Воспоминаніе объ этой жизни свѣжо въ ихъ памяти. Затѣмъ, они видятъ лучшую жизнь у крестьянъ и другихъ инородцевъ, и естественно желали бы подражать имъ, еслибы была возможность. Наконецъ, у зажиточныхъ башкиръ потребности къ удобству и комфорту проявляются ничуть не хуже, чѣмъ у всякаго другого. Чуть завелись деньги, первымъ дѣломъ явится чай, ситцевая рубаха, съ крупными цвѣтными разводами, на себѣ и на женскомъ полѣ, суконный или нанковый халатъ, шапка съ мѣховымъ околышемъ, кожаные сапоги и многое другое. вмѣстѣ съ тѣмъ является комфортъ и въ домѣ: бухарскіе ковры, кое-какая посуда, больше чистоты, лучшая пища, хорошій скоть. Стало-быть, нѣе отсутствіе стремленія къ удобству и эстетическимъ поползновеніямъ, а одна только бѣдность заставляетъ башкиръ быть такими, каковы они въ настоящее время. Что служитъ причиной этой бѣдности, и какъ поправить существующее зло, — это вопросы настолько сложные и даже до нѣкоторой степени щекотливые, что я предпочитаю обойти ихъ молчаніемъ. Одно бы я сказалъ еще здѣсь, что едва ли разумно и справедливо раскупать у баш-

кирь свободныя земли такъ, какъ это дѣлается теперь. Пятнадцати-десятинный надѣлъ можетъ достаточно обезпечивать крестьянина—хорошаго работника, умѣющаго взяться за дѣло, но башкирь съ этимъ надѣломъ попадаетъ въ кабалу и бѣдность, потому что система его хозяйства (скотоводство и лѣсные промыслы) не даетъ ему пока возможности удовлетвориться этимъ. На продажу земель нельзя смотрѣть, какъ на средство заставить башкирь приняться за правильное земледѣшество. Для этого прежде слѣдовало бы приучать ихъ къ нему, но не принудительной силой, какъ до сихъ поръ дѣлалось, а развитіемъ, постепенной привычкой, чрезъ подражаніе сосѣднимъ крестьянамъ, и практическимъ убѣжденіемъ въ выгодахъ земледѣлія. Въ этомъ смыслѣ продажа башкирскихъ земель могла бы имѣть и свою хорошую сторону, еслибы только эти земли заселялись русскими хлѣбопашцами, а не скупались бы монополистами для раздачи тѣмъ же башкирамъ въ аренду. Нельзя не пожалѣть и о томъ, что право продажи земель было предоставлено самимъ башкирскимъ обществамъ, а не правительству. Полудикіе башкиры, естественно, не понимаютъ цѣнности своихъ угодій, не понимаютъ даже своихъ экономическихъ потребностей, потому неизбѣжно эксплуатируются покупателями. Въ прошломъ столѣтіи, напр., Авзяно-Петровский и Кагинскій заводы окортомили у башкирь *на вѣчныя времена* 180 тысячъ десятинъ лѣсу по 20 руб. въ годъ, а Преображенскій заводъ 100 тысячъ десятинъ за 100 р. Бѣлорѣцкій заводъ купилъ 300 тысячъ десятинъ строевого лѣсу за 300 руб.!! (Списки насел. мѣстъ оренбургской губ. 1871 г., стр. ХLI). Въ болѣе близкое къ нашему время башкирскія земли продавались немногимъ дороже. За десятки тысячъ десятинъ случалось платить нѣсколько ведеръ воды, нѣсколько фунтовъ чаю и кусокъ дешеваго ситцу. Даже въ послѣдніе годы башкирскія земли покупались по полтинѣ или рублю за десятину, когда годовая арендная плата была выше этой цѣны. Земли болѣею частью скупались мѣстными купцами и чиновниками, и сдавались потомъ въ аренду тѣмъ же башкирамъ. Понятно, что при такомъ порядкѣ экономическое положеніе башкирь не только не могло улучшаться, но было существенно подорвано.

Глядя на нынѣшнихъ башкирь трудно представить, что еще такъ недавно они составляли многочисленный и сильный народъ. Во второй половинѣ XVI-го столѣтія имъ принадлежала, за небольшимъ исключеніемъ, вся земля между Камой и Волгой до Самары, Оренбурга и Орска (тогда еще не существовавшихъ), и на востокъ по Міясу, Исети, Пышмѣ, Тоболу и Иртышу до Оби.

Начинавшія проникать сюда съ сѣверо-запада русскія поселенія всѣ основывались на земляхъ башкирскихъ, приобретаемыхъ частью завоеваніемъ, частью покупкой. Съ конца XVI-го и въ XVII-мъ столѣтіи русское племя стало надвигаться сплошной стѣной съ сѣверо-запада на юго-востокъ, постепенно отбѣсня башкирь къ югу или проникая между ними широкими полосами и захватывая ихъ кольцомъ своихъ поселеній. Конечно, это дѣлалось не вдругъ, а шагъ за шагомъ, при продолжительной борьбѣ за обладаніе лучшими сибирскими угодьями. Почти каждое русское поселеніе должно было играть роль крѣпости и было вынуждено ежедневно сторожить себя отъ сильныхъ набѣговъ. Многие изъ вновь возникавшихъ городовъ были выжигаемы и опустошаемы башкирами по нѣскольку разъ. Такъ-называемые башкирскіе бунты продолжались по нѣскольку лѣтъ, напр. Сеитовскій (1662—1683) и Алдаровскій (1704—1708). Во время Сеитовскаго бунта башкиры подступали къ Уфѣ, грабили казанскій уѣздъ, доходили до Верхотурья, Тюмени и Кунгура, опустошали всю Камскую провинцію. При Алдаровскомъ бунтѣ они осаждали Уфу, Бирскъ и Мензелинскъ, выжгли села по рѣкамъ: Бѣлой, Камѣ и Самарѣ, и угрожали самой Казани. Подобныя возстанія, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ повторялись неоднократно и въ послѣдующее время, напр. въ 1737 по 1740 годъ.

Какъ вліяли на башкировъ эти возстанія, можно видѣть изъ того, что при одномъ послѣднемъ бунтѣ они потеряли, по официальнымъ рапортамъ, убитыми 16,634 человекъ, высланными въ разныя мѣста до 4000; кромѣ того, было наказано отрѣзываніемъ носовъ и ушей 301 человекъ, разорено жилыхъ деревень 696. Эти цифры вѣроятно еще ниже дѣйствительныхъ. Несмотря на почти непрерывную войну, съ неизбѣжными опустошеніями, продолжавшуюся съ небольшими перерывами почти цѣлое столѣтіе, башкиры сохраняли еще свою силу до конца прошлаго вѣка. Въ 1770 году противъ нихъ принуждены еще были поддерживать укрѣпленныя линіи. Въ проѣздъ Лепехина въ этомъ году по нынѣшнему сибирскому тракту еще существовали укрѣпленія во многихъ селахъ и городахъ. Самый Екатеринбургъ, несмотря на то, что имѣлъ уже 1426 домовъ, а ближайшіе окрестные заводы были значительно населены русскимъ народомъ,—былъ обнесенъ землянымъ валомъ и глубокимъ ровомъ съ деревянными рогатками. Отсюда укрѣпленная линія шла вдоль по Исети до Тобола, Иртыша и далѣе въ Сибирь, также на югъ по Синарѣ и староисетскому тракту до Челябинска и на западъ, по главному сибирскому тракту до Камы. Всѣ сибирскія слободы

были обнесены оплотомъ съ башнями, гдѣ находились пушки и всякій воинскій припасъ. Большая часть уральскихъ заводовъ, выдающихся за оборонительную линію, тоже были укрѣплены и снабжены оружіемъ. По нынѣшнему тракту между Екатеринбургомъ и Кунгуромъ въ 1770 году существовали: Грбовская крѣпость (Грбово-поле); въ 26 верстахъ за ней слѣдовала Киргишанская крѣпость; потомъ черезъ 36 верстъ Кленовская, черезъ 25 верстъ Бисертская, черезъ 20 верстъ — Ачитаская. Кунгуръ былъ обнесенъ землянымъ валомъ, съ палисадомъ и деревянными башнями; внутри крѣпости стоялъ деревянный кремль, тоже съ башнями ¹⁾. Нынѣшній Красноуфимскъ тоже былъ крѣпостью, и неоднократно подвергался башкирскимъ разореніямъ. Во время одного изъ нападений здѣсь, у Титечныхъ горъ, башкиры перерѣзали двѣ драгунскія роты и, переодѣвшись въ платье драгунъ и на ихъ лошадаяхъ, съ ихъ значками и оружіемъ направились на ачитскую крѣпость, рассчитывая такимъ образомъ обмануть гарнизонъ послѣдней (Лепехинъ).

При взглядѣ на нынѣшнихъ башкиръ эти недавнія сказанія про ихъ силу и воинственный духъ кажутся почти невѣроятными. Черезъ сто лѣтъ нельзя узнать этого буйнаго и отважнаго народа. Оттѣсненные въ узкія долины уральскихъ горъ или окруженные на равнинахъ размножившимся русскимъ населеніемъ, нынѣшнія башкирскія села имѣютъ видъ небольшихъ островковъ среди разливагося русскаго моря. Забыты всѣ притязанія на безконечный просторъ богатыхъ зауральскихъ степей; безслѣдно исчезъ воинственный національный духъ, вмѣстѣ съ многочисленными стадами и привольемъ отдаленныхъ кочевовъ. Полуголодные, едва существующіе изо дня въ день, забытые и запуганные, башкиры въ настоящее время представляютъ только тѣнь своего прежняго облика.

Чтобы судить о вліяніи экономическихъ невзгодъ на духъ и характеръ народа, стоить взглянуть на башкиръ въ деревнѣ и на кошѣ. Подъ конецъ зимы они бродятъ въ деревняхъ, какъ тѣни, изнуренные, апатичные, съ одной надеждой на близкое лѣто. Въ такомъ видѣ, съ полумертвымъ скотомъ, они выѣзжаютъ на коши при первомъ проблескѣ весны. Здѣсь они какъ-

¹⁾ Кунгуръ былъ основанъ въ 1647 году по просьбѣ первыхъ русскихъ поселенцевъ, купившихъ земли у иренскихъ татаръ. Во время сеитовскаго бунта, въ 1662 году, онъ былъ совершенно опустошенъ и выжженъ башкирами, такъ что немногіе жители успѣли спастись въ лѣсахъ и пещерахъ. По просьбѣ ихъ въ 1663 году городъ (острогъ) выстроенъ снова, и снова подвергался два раза опустошенію, такъ что нынѣшній городъ стоитъ уже на третьемъ мѣстѣ.

бы просыпаются отъ летаргическаго сна, становятся веселѣе, подвижнѣе. Черезъ 2—3 недѣли коши ихъ уже нельзя узнать. Въ нихъ просыпаются старые инстинкты и склонности, является юморъ, отвага, юркость въ движеніяхъ, сообразительность, самый наружный видъ измѣняется. Поэтому, чтобы составить правильное понятіе о башкирахъ, необходимо наблюдать ихъ лѣтомъ на привольныхъ кошахъ. Такихъ, впрочемъ, въ настоящее время очень немного, а можетъ быть скоро и совсѣмъ не будетъ. Большинство ихъ, какъ сказано выше, безъ скота и земельного приволья, вмѣсто кошей молчаливо и понуро идутъ на заводы и золотые прииски, или остаются лѣнливо копошиться въ деревнѣ около своего полуразваливагося хозяйства.

Разсматривая экономическій бытъ башкиръ, кстати коснуться здѣсь вопроса объ ихъ образованіи. Послѣ того, что было говорено выше о бѣдственномъ положеніи этого народа, казалось бы, что вопросъ о башкирскомъ образованіи можетъ существовать развѣ только въ проектѣ, на дѣлѣ же, къ удивленію, это оказывается совсѣмъ не такъ. Разоренные, почти полудикіе башкиры оказываются грамотнѣе русскихъ мужиковъ, такъ какъ большинство изъ нихъ умѣютъ читать и писать, но только по-татарски. Этотъ фактъ будетъ совершенно понятенъ, когда мы вспомнимъ, что башкирскимъ, равно какъ и вообще татарскимъ, или правильнѣе мусульманскимъ образованіемъ завѣдуетъ мусульманское духовенство. Оно чрезвычайно ревностно относится къ своему дѣлу, и нѣтъ мечети, гдѣ бы муллы не учили не только дѣтей, но и взрослыхъ. А мечетей у нихъ оказывается гораздо болѣе, нежели православныхъ церквей. Напримеръ, въ 11-ти губерніяхъ казанскаго учебнаго округа на 12.134,000 православнаго населенія церквей считается 6,082, а на 2.125,000 магометанъ 3,557 мечетей, т.е. одинъ православный храмъ приходится на 1,995 православныхъ, тогда какъ одна мечеть на 633 мусульманина; слѣдовательно, по соразмѣрности съ народонаселеніемъ, мечетей слишкомъ втрое больше, чѣмъ православныхъ церквей. При всемъ томъ, при нашихъ церквяхъ школа составляетъ рѣдкость, а у магометанъ она не только существуетъ при каждой мечети, но, сверхъ того, множество школъ устроено и отдѣльно отъ нихъ. По опубликованнымъ свѣдѣніямъ, въ 11-ти губерніяхъ казанскаго учебнаго округа въ 1865 г. мусульманскихъ школъ считалось 1068, учащихся въ нихъ 60,888, т.е. по разчисленію 1 учащійся — на 15 человекъ. Но принимая въ расчетъ, что число мечетей и муллъ превышаетъ число училищъ, надо полагать, что при бо-

лѣе точныхъ данныхъ, число учащихся къ населенію будетъ относиться какъ 1 къ 9. Въ 35 коренныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ введено земство, одна школа приходится на 4, 7 тысячъ жителей и 1 учащійся на 168 человекъ, а въ трехъ коренныхъ губерніяхъ безъ земства одна школа приходится на 10,3 тысячи жителей и одинъ учащійся на 371 человекъ. Въ трехъ югозападныхъ губерніяхъ кievскаго учебнаго округа число учащихся приходится 1 на 537 человекъ, а въ Сибири 1 на 664 (Военно-статистич. сборникъ 1871 года, стр. 884). Мудрено ли послѣ этого, что башкиры далеко перещеголяли насъ народнымъ образованіемъ.

Такъ широко распространенное у башкиръ мусульманское народное образованіе нельзя однакоже сравнивать съ русскимъ школами. Татарскія школы, имѣя чисто религіозный характеръ, скорѣе приносили вредъ народонаселенію, чѣмъ пользу, фанатизируя народъ и отвращая его отъ стремленій истинной цивилизаціи. Строго воспитанные въ духъ ислама, магометане воображаютъ, что коранъ есть альфа и омега всѣхъ наукъ и всякой нравственности, и не считаютъ для себя нужнымъ знать что-либо внѣ сферы его догматовъ. Оттого магометане коснѣютъ въ невѣжествѣ, живутъ своею собственною, изолированою жизнію, мертвые ко всему образованному міру. Оттого и башкиры, несмотря на свою грамотность, не только не двигаются впередъ, а остаются полудикарями, дичатся русскаго цивилизующаго вліянія и охотнѣе, при такихъ условіяхъ, будутъ изучать арабскій языкъ, нежели читать русскую народную образовательную книжку. Стало-быть, для будущаго ихъ развитія не только не нужны татарскія школы, а напротивъ, онѣ по возможности должны быть замѣняемы русскими. Мирная пропаганда христіанства и русской грамотности, — вотъ единственныя основы хорошей будущности башкирскаго народа. Въ мусульманской оболочкѣ онъ неизбѣжно осужденъ будетъ оставаться *in statu quo* своего нравственнаго и культурнаго быта, или, еще хуже, подчиняясь поработавшему вліянію высшихъ окружающихъ его элементовъ, принужденъ будетъ, рано или поздно, сойти со сцены, выродиться, погибнуть. Слѣдовательно, всѣ наши гуманныя стремленія относительно этого народа должны клониться къ тому, чтобы поскорѣе распространить въ немъ русскую грамоту и, въ связи съ ней, христіанскую религію. Тогда только башкиры не будутъ чуждаться русскаго населенія, не будутъ тяготѣть къ татарамъ и другимъ мусульманскимъ народамъ, и охотнѣе воспримутъ благодѣтельныя начала русско-европейской цивилизаціи.

Посмотримъ теперь, сдѣлали ли мы что-либо въ этомъ направленіи, или, по крайней мѣрѣ, избирается ли нами этотъ благой путь для осуществленія нашихъ задачъ относительно башкиръ, равно какъ и другихъ инородцевъ, находящихся въ подобномъ отношеніи. Къ сожалѣнію, нѣтъ. Прошлыя мѣропріятія, напротивъ, нерѣдко клонились къ противоположнымъ цѣлямъ, т.-е. не охристіанить, а омусульманить инородцевъ, слѣдовательно, подчинить ихъ не русскому оживляющему вліянію, а мертвящему — татарскому. Въ 1782 году, киргизы, не имѣвшіе опредѣленной религіи, подвергаются насильственному обращенію въ магометанство! Для этого былъ изданъ указъ о построеніи мечетей въ киргизъ-кайсацкой ордѣ¹⁾. Въ 1784 году это повелѣніе было подтверждено, въ 1797 году отпечатанъ алкоравъ въ числѣ 3,600 экзempl. для раздачи киргизамъ. Все это дѣлалось не по желанію ихъ, а въ силу какихъ-то соображеній цивилизаціи, что видно, между прочимъ, изъ того, что еще въ 1830 году киргизы энергически протестовали противъ направленной на нихъ магометанской пропаганды. Отправляя въ Петербургъ депутацію, они просили «мечетей и школъ у нихъ не заводить, айхуновъ и указныхъ муллъ не опредѣлять». Несмотря на все это, магометанская пропаганда продолжалась съ усиленной ревностью, такъ что теперь во всѣхъ окружныхъ городахъ и укрѣпленіяхъ киргизской степи имѣются поставленныя правительствомъ мечети и магометанскія училища («Московскія Вѣдомости», 1867 года, № 101). Теперь у киргизовъ магометанство совершенно упрочилось и окончательно закрѣпило не только племенную, но и нравственную связь и симпатію къ татарамъ и другимъ мусульманскимъ народамъ. Нѣчто подобное совершается и теперь на нашихъ глазахъ. Правда, инородцы насильственно не обращаются въ магометанство, но при дозволеніи свободной и настойчивой пропаганды этой религіи, путемъ безчисленныхъ мечетей и школъ, мы достигаемъ того, что многіе изъ новообращенныхъ въ православіе снова отторгаются отъ нашей церкви въ пользу мусульманства. Этой пропагандѣ, кромѣ школы, много помогаетъ единство языка у всѣхъ тюркскихъ племенъ. Религія и языкъ, — это два такихъ могущественныхъ фактора объединенія, что они спо-

¹⁾ „Милосердая, мы, великая государыня, о всемъ нашемъ подданномъ киргизъ-кайсацкомъ народѣ, всемилостивѣйше повелѣли построить киргизъ-кайсацкому народу для отправленія богослуженій, на границахъ, прилежахъ къ кочевью средней киргизъ-кайсацкой орды, мечети, выбравъ къ тому удобныя мѣста“. (Полное Собраніе Законовъ, Т. IX, № 15,352).

собны весьма сильно и долго противодействовать всѣмъ нашимъ миссіонерскимъ и ассимиляторскимъ стремленіямъ.

Стремленіе къ русской грамотности у башкиръ не должно быть меньше, чѣмъ у русскихъ крестьянъ, и русскія школы они не только не обѣгали бы, но вѣроятно даже предпочитали бы татарскимъ. Къ сожалѣнію, русскихъ школъ въ краѣ весьма мало, а татарскія на каждомъ шагу, и обученіе въ нихъ фанатически поощряется мусульманскимъ духовенствомъ. Только въ самое послѣднее время правительство обратило на этотъ важный вопросъ свое вниманіе, проектируя обученіе татаръ и башкиръ въ русскихъ школахъ, или по крайней мѣрѣ въ русскомъ духѣ. Проекты этихъ школъ обсуждались во всѣхъ инстанціяхъ учебнаго вѣдомства, и вѣроятно близки къ осуществленію.

Будущія башкирскія школы, учреждаемыя правительствомъ, должны потерять національный татарскій характеръ, хотя, можетъ быть, это будетъ достигнуто и не вдругъ. На первое время въ нихъ допускаются нѣкоторыя отступленія отъ типа чисто русскихъ школъ, нѣкоторыя льготы для инородцевъ, съ цѣлью облегченія для нихъ перваго знакомства съ русской грамотой. Такъ, на примѣръ, отъ поступающихъ учениковъ не предполагается безусловно требовать знанія русскаго разговорнаго языка; учителя будутъ обязаны знать татарскій языкъ и при помощи его передавать башкирамъ русскую грамотность. Эта переходная мѣра считается необходимой, потому что многіе изъ башкирскихъ мальчиковъ недостаточно понимаютъ русскій языкъ, слѣдовательно, для нихъ было бы неудобно открывать настоящія русскія школы, въ которыхъ бы игнорировалось все татарское; можно однакожь надѣяться, что необходимость этой переходной мѣры будетъ существовать недолго. Такъ-какъ большинство башкирскихъ и татарскихъ селеній окружено русскими, потому самая жизнь и ежедневныя столкновенія давно уже заставили башкиръ и татаръ научиться русскому языку. Почти всѣ мужчины и теперь довольно порядочно говорятъ по-русски, а съ устройствомъ русскихъ школъ знаніе русскаго языка, конечно, распространится еще болѣе. Едва ли можно опасаться, что въ настоящую русскую школу башкиры не пойдутъ изъ религіозныхъ принциповъ, т.-е. изъ страха утратить здѣсь національный духъ и даже религію. Такія соображенія неоднократно были высказываемы со стороны мусульманскаго духовенства, и вѣроятно будутъ пропагандироваться и впередъ, но башкиры не такіе фанатики, не такіе мечтатели о самобытномъ процвѣтаніи своей народности, чтобы изъ-за опасенія слиться съ русскимъ населеніемъ стали отказываться отъ

прямыхъ своихъ выгодъ по образованію. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ, тамъ, гдѣ было возможно пристроиться въ русскую школу (къ сожалѣнію, такая возможность представлялась очень рѣдко), они дѣлали это очень охотно, безъ всякой задней мысли.

Башкирскія школы нельзя приравнивать къ киргизскимъ и туркестанскимъ, или инородческимъ школамъ, устраиваемымъ англичанами въ Индіи. Тамъ школа служитъ для ознакомленія съ господствующимъ европейскимъ языкомъ, предназначается для лицъ, *незнающихъ* этого языка, поэтому тамъ преподаваніе по необходимости должно происходить при содѣйствіи языка туземнаго, инородческаго. Башкирскія же школы должны имѣть другую задачу—сближеніе съ русской культурой и содѣйствіе къ воспріятію православной религіи,—такъ-какъ изученіе разговорнаго русскаго языка достигается и безъ школъ, само собой. Въ видахъ этого, татарскій языкъ въ башкирскихъ школахъ вѣроятно въ скоромъ времени можно будетъ совершенно игнорировать. Такой прямой и рѣшительный образъ дѣйствій скорѣе приведетъ къ цѣли, обоюдно-выгодной и для насъ, и для башкиръ, т.-е. къ постепенному сліянію ихъ съ русскимъ господствующимъ населеніемъ.

Вопросъ о будущей судьбѣ башкирскаго народа есть важный государственный вопросъ. Съ расширеніемъ нашихъ предѣловъ въ Средней Азіи, на юговосточной окраинѣ Россіи въ настоящее время сосредоточивается болѣе шести милліоновъ населенія тюркскихъ племенъ, исповѣдующихъ одну религію и говорящихъ почти однимъ языкомъ. Такая масса одноплеменнаго инородческаго населенія, сплошь занимающаго громадныя, совершенно открытыя области и примыкающаго къ странамъ съ такимъ же мусульманскимъ населеніемъ, при возможныхъ вспышкахъ мусульманскаго фанатизма, если не можетъ считаться опасной, то во всякомъ случаѣ требуетъ осторожности и предусмотрительности. Если бы даже мы были убѣждены, что многомилліонная масса одноплеменнаго народа не въ состояніи ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ причинить Россіи никакихъ политическихъ опасеній и замѣшательствъ, что весьма вѣроятно, то все-таки мы обязаны весьма серьезно отнестись къ судьбѣ этихъ инородцевъ по чувству гуманности, по сознанію того историческаго призванія, которое выпало на долю Россіи по отношенію къ тюрко-татарскимъ племенамъ. Вслѣдствіе географическихъ и историческихъ комбинацій, славяно-русскому племени пришлось выполнять міровую историческую задачу—сначала защищенія европейской цивилизаціи отъ мусульманскаго фанатизма и восточнаго

варварства, а потомъ проведенія къ этимъ варварамъ европейской культуры и христіанской религіи. Стоя на рубежѣ между Европой и Азіей, славяно-русское племя съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего политическаго бытія должно было стать лицомъ къ лицу съ тюрскими и финскими племенами, вынести на себѣ всю силу ихъ враждебнаго натиска и въ борьбѣ за существованіе — побѣдить или умереть. Эта борьба, длившаяся столѣтія, извѣстна каждому. Православіе восторжествовало надъ мусульманствомъ и язычествомъ; финскія племена разсѣялись и ослабѣли до ничтожества; монголо-татарскія орды, когда-то грозныя несмѣтной численностью и силой, лежатъ въ прахѣ; христіанское русское племя, торжествуя побѣду надъ врагами, знаменуетъ ее не истребленіемъ и опустошеніемъ, а возрожденіемъ полудикихъ народовъ въ духѣ христіанства и цивилизациі. Такъ понимала Россія свою историческую задачу, и въ этомъ направленіи дѣйствовала и дѣйствуетъ до сихъ поръ. Наши приемы въ этомъ отношеніи гораздо человѣчнѣе и разумнѣе, нежели приемы другихъ европейскихъ цивилизаторовъ по отношенію къ полудикому населенію своихъ колоній. Англичанинъ смотритъ на индуса, какъ на получеловѣка, никогда не сольется съ нимъ, не приравняетъ себя къ нему и, вслѣдствіе этого, является лишь эксплуататоромъ, но не проводникомъ европейскаго просвѣщенія. То же самое въ Америкѣ относительно туземнаго населенія, то же самое вездѣ. Одна Россія составляетъ исключеніе. Подчиняя себѣ азіатскія области, она принимаетъ новыхъ своихъ подданныхъ въ свою семью съ правами равенства и объединенія. Возникающія въ этихъ областяхъ русскія поселенія не чуждаются инородцевъ, вступаютъ съ ними въ близкія отношенія, и такимъ образомъ мало-по-малу свыкаются другъ съ другомъ и, наконецъ, при содѣйствіи языка и религіи, сливаются въ одну господствующую народность. Такой образъ дѣйствій, конечно, главнымъ образомъ зависитъ оттого, что въ Россіи инородческія области не представляютъ собой отдаленныхъ колоній, а смежны съ коренной русской территоріей, вслѣдствіе чего они легче заселяются русскимъ народомъ, что и даетъ возможность болѣе легкаго и обширнаго сближенія и ассимиляціи. Затѣмъ и культурное развитіе нашего простаго народа стоитъ ближе къ инородцамъ, нежели развитіе другихъ европейскихъ народовъ къ населенію ихъ колоній. Такъ или иначе, но ассимиляція въ Россіи азіатскихъ инородческихъ племенъ можетъ идти гораздо успѣшнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Эта послѣдняя мысль многимъ можетъ показаться парадоксальной. Почему-то у насъ сложилось убѣжденіе, будто бы Россія,

едва способная управляться сама съ собой, не въ состояніи выполнять культурныя задачи относительно своихъ инородцевъ. При господствующемъ въ настоящее время пессимистическомъ взглядѣ на свое отечество, многие, въ подтвержденіе вышеприведенной мысли, указываютъ на вѣковую неприкосновенность татарскаго культа, на слабость миссіонерской дѣятельности, на нерѣдкіе примѣры перехода инородцевъ изъ православія въ мусульманство и т. под. Эти частныя факты, по моему мнѣнію, не имѣютъ историческаго значенія, такъ какъ въ общемъ ходѣ ассимиляціи продолжается у насъ сравнительно весьма успѣшно. Если бы была возможность сравнить численность народонаселенія тюрскихъ и финскихъ племенъ, обитающихъ въ предѣлахъ русскаго царства, за столѣтіе и болѣе назадъ, съ численностью нынѣшняго народонаселенія, то разница не въ пользу инородцевъ была бы слишкомъ очевидна. Безъ точныхъ вычисленій бросается въ глаза, что инородцы уменьшаются въ числѣ, какъ бы таютъ въ средѣ русскаго населенія. Это уменьшеніе отчасти зависитъ отъ неблагоприятныхъ условій жизни, усиленной смертности и слѣдовательно вырожденія, но едва ли не болѣе того отъ слиянія съ русскимъ народомъ (ассимиляціи). Не заходя въ глубокую древность, когда первые русскіе подвижники съ большимъ успѣхомъ распространяли христіанскую вѣру между сосѣдями-язычниками: половцами, болгарами, чудью, вотяками, черемисами, корелами и пр., и такимъ образомъ расширяли предѣлы русскихъ княжествъ, и въ послѣднее время нельзя упрекнуть нашу миссіонерскую дѣятельность ничтожными результатами. Великое дѣло творится не вдругъ, а шагъ за шагомъ, капля по каплѣ; но въ общемъ результатъ ежегодно мы видимъ сотни обращенныхъ къ православію и на дальнемъ востоцѣ между корейцами, и въ сѣверныхъ тундрахъ между остяками, якутами, бурятами и въ центрѣ Россіи между всевозможными инородцами. Распространеніе христіанства особенно успѣшно идетъ между финскими племенами. По показаніямъ пермскаго статистическаго комитета, крещеныхъ вогуль въ этой губерніи считается 1,667, некрещеныхъ 237; крещеныхъ пермяковъ 61,555, некрещеныхъ нѣтъ ни одного; 411 чело-вѣкъ зырянъ тоже всѣ крещены. Въ пензенской губерніи крещеныхъ мещеряковъ считается 36,994; а въ саратовской 3,000, некрещеныхъ нѣтъ. Въ вятской губерніи крещеныхъ пермяковъ 7,650, некрещеныхъ нѣтъ; крещеныхъ вотяковъ 205,169, некрещеныхъ 14,143. Въ казанской губерніи крещеныхъ вотяковъ 5,258, некрещеныхъ 2,459; въ самарской крещеныхъ вотяковъ 1,257, некрещеныхъ нѣтъ. Въ уфимской губерніи некрещеныхъ

вотяковъ 18,000, крещеныхъ только 1,994. Во всѣхъ губерніяхъ крещеныхъ вотяковъ считается 213,678, а некрещеныхъ 37,555; крещеныхъ пермяковъ 68,763, мещеряковъ 39,994; изъ тѣхъ и другихъ некрещеныхъ нѣтъ. Крещеной мордвы 687,985, некрещеной только 1,563; крещеныхъ чувашъ 552,045, некрещеныхъ 14,928; крещеныхъ черемисъ 201,585, некрещеныхъ 67,048. Изъ этихъ данныхъ, доставленныхъ губернскими статистическими комитетами, видно, что наибольшая часть финскихъ племенъ исповѣдуетъ христіанство и, слѣдовательно, находится на полъ-пути къ полной ассимиляціи. Въ этомъ счисленіи, конечно, берутся въ расчетъ только тѣ инородцы, которые сохранили свой языкъ и національные признаки, но масса ихъ, окончательно ассимилированныхъ, безъ сомнѣнія считается уже въ рядахъ русскаго населенія. Небольшой остатокъ вогуль и зырянъ ясно показываетъ, что эти племена, подъ вліяніемъ ассимиляціи, почти растворились уже въ русской народности.

Не такъ успѣшно распространяется христіанство между магометанами. Въ 11 губерніяхъ казанскаго учебнаго округа татарь-магометанъ считается 970,649, а крещеныхъ 83,244; башкирь-магометанъ 999,818, а крещеныхъ 837; на 155,845 магометанъ-киргизовъ (этого же округа) крещеныхъ показано только 24. Крещеныхъ татаръ больше всего въ вятской губерніи, именно 12,780 на 76,617 магометанъ, и въ уфимской губерніи—18,876 на 68,271 магометанина. Въ казанской губерніи на 438,598 татарь-магометанъ,—крещеныхъ 44,111; въ симбирской на 91,562,—крещеныхъ 2,045. Въ остальныхъ губерніяхъ процентъ крещеныхъ татаръ еще менѣе. Между крещеными татарами различаютъ: старокрещенъ, новокрещенъ и отступники. Къ первымъ причисляются принявшіе христіанство около второй половины прошлаго столѣтія, когда была учреждена контора новокрещенскихъ дѣлъ (центральное миссіонерское учрежденіе на 8 епархій) для утвержденія въ вѣрѣ инородцевъ. Старокрещены болѣею частію живутъ отдѣльными селами и сосредоточиваются въ уѣздахъ: мамадышскомъ, лаишевскомъ, чистопольскомъ и частію казанскомъ—казанской губерніи;—въ буинскомъ и ардаатовскомъ—симбирской; въ бугульминскомъ и самарскомъ—самарской губерніи; въ елабужскомъ и малмыжскомъ уѣздахъ—вятской губерніи. Отступники чаще встрѣчаются между новокрещеными и преимущественно тамъ, гдѣ не утвердившіеся въ вѣрѣ татарь-христіане живутъ въ небольшомъ числѣ между магометанами. При этихъ условіяхъ иногда отпадаютъ въ магометанство и финскія племена, какъ христіане, такъ и язычники (Маловъ, «Статисти-

ческія свѣдѣнія о крещеныхъ татарахъ казанской и нѣкоторыхъ другихъ епархій въ волжскомъ бассейнѣ»).

Принявшіе православіе, рано или поздно, входятъ въ русскую семью, сливаются съ русскимъ народомъ до такой степени, что не остается возможности отличить ихъ прежнія инородческія черты. Какъ на примѣръ этого превращенія, совершающагося на нашихъ глазахъ, можно указать на мещеряковъ пензенской губерніи. Исповѣдая православную вѣру (нѣкоторые въ чембарскомъ уѣздѣ сдѣлались раскольниками), они все говорятъ русскимъ языкомъ, только не такъ чисто произносятъ нѣкоторые звуки. Изрѣдка встрѣчающіяся у нихъ не-русскія слова, уцѣлѣвшія изъ прежняго ихъ языка, въ разговорѣ измѣняются по законамъ русской рѣчи. Свой языкъ мещеряки совсѣмъ почти забыли и обрусѣли настолько, что едва можно ихъ отличить отъ русскихъ крестьянъ. вмѣстѣ съ вѣрою и языкомъ, они усвоили себѣ и нравы и обычаи русскаго народа. Въ одеждѣ осталась разница въ мужскихъ рубашкахъ, которыя у мещеряковъ длинныя и бѣлыя, съ красными и синими каймами по вороту, рукавамъ и подолу. Нѣкоторые изъ мещеряковъ называются полумещерой. Это названіе, вѣроятно, когда-то дано было имъ въ отличіе отъ своихъ собратій, менѣе обрусѣвшихъ. Въ одномъ чембарскомъ уѣздѣ, въ 30 селеніяхъ, обрусѣвшихъ мещеряковъ находится болѣе 17 т. душъ. То же самое можно сказать про мещеряковъ саратовскихъ, про зырянъ, вогуль и другихъ финскихъ инородцевъ.

Если мы будемъ всматриваться въ анатомическій типъ русскаго народа, то ясно увидимъ въ замѣчательномъ множествѣ примѣсь такихъ особенностей, какія совершенно не свойственны славянской расѣ, а напоминаютъ признаки тюркскаго или финскаго типа. Недаромъ высказывалось мнѣніе, что славяно-русское племя представляетъ собой конгломератъ народностей, слившихся въ одно цѣлое при помощи языка и религіи. Въ этомъ нельзя не признать доли правды. У насъ есть цѣлыя, чисто русскія провинціи, отличающіяся особымъ внѣшнимъ складомъ, особымъ говоромъ и крайне оригинальнымъ народнымъ костюмомъ, особенно женскимъ. Здѣсь невольно приходится въ голову, что эти особенности (напр. цѣпанье, цапанье и другія странности народнаго говора) суть слѣды другой народности, окончательно затерявшейся въ славянской расѣ. Точно также между мордвой, черемисами, зырянами нерѣдко можно встрѣтить чисто русскія деревни съ населеніемъ, сохранившимъ рѣзкій анатомическій типъ окрестныхъ инородцевъ. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что

славяно-русская раса ассимилируетъ своихъ инородцевъ съ значительнымъ успѣхомъ, до нѣкоторой степени пополняется и размножается на ихъ счетъ. Это было съ самаго основанія русскаго царства, и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока задачи объединенія не будутъ доведены до конца, т.-е. всѣ инородцы не войдутъ въ составъ русскаго племени.

Тюркскія племена, въ томъ числѣ и башкиры, конечно, не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. По историческимъ и географическимъ условіямъ, они не могутъ рассчитывать на самостоятельное политическое возрожденіе своей народности; слѣдовательно, должны неизбѣжно покориться историческому закону или вырожденія, или слиянія съ господствующей расой. Чѣмъ скорѣе произойдетъ послѣднее, тѣмъ лучше, даже въ видахъ ихъ собственной пользы. Гораздо человѣчнѣе желать этого слиянія и содѣйствовать ему, нежели, отстаивая принципы національной самостоятельности, ускорять черезъ это ихъ вырожденіе. Въ смѣшанномъ населеніи предотвратить борьбу за существованіе двухъ неравносильныхъ народностей—невозможно. Сильное племя неизбѣжно будетъ истощать и вытѣснять слабѣйшее. Иначе и быть не можетъ, потому что физическое усовершенствованіе и размноженіе расы, даже при отсутствіи посторонней эксплуатаціи и борьбы за право размноженія, идетъ пропорціонально культурному развитію.

Въ подтвержденіе этого мы должны бы были сослаться на статистическія данныя, но, анализируя ихъ, нашли столько неточностей и очевидныхъ ошибокъ, что сочли невозможнымъ опереться на эти цифры. Такъ, напримѣръ, по Кеппену (по 8—9 ревизіи), около 1834 года башкиръ считалось въ самарской, вятской, пермской и оренбургской губерніяхъ 392,072. По спискамъ населенныхъ мѣстностей и другимъ источникамъ 60-хъ годовъ ихъ насчитывается уже 974,714, что, конечно, никакъ нельзя объяснить естественнымъ приростомъ населенія, а очевидной ошибкой счисления. По статистическимъ свѣдѣніямъ, относящимся къ 1869 году, число башкиръ крещеныхъ и некрещеныхъ опредѣляется въ 1,000,655; слѣдовательно, сравнительно съ предыдущей цифрой показывается приростъ населенія въ 25,941. Башкиръ и татаръ въ совокупности, по даннымъ 60-хъ годовъ, въ 11 губерніяхъ казанскаго учебнаго округа опредѣляется 2,082,207, а по свѣдѣніямъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ за 1869 г. ихъ считается 2,054,598; слѣдовательно на 27,609 меньше. По Кеппену, башкиръ и татаръ въ тѣхъ же губерніяхъ около 1834 г. считалось 1,282,875. Сравнивая эту цифру съ данными 60-хъ

годовъ, мы видимъ черезъ 26 лѣтъ приростъ населенія почти въ 800 тысячъ, чего допустить невозможно. Ошибка въ счисленіи инородцевъ, кромѣ общей неаккуратности и путаницы статистическихъ данныхъ, вѣроятно, происходитъ и оттого, что самая классификація народностей не имѣетъ прочнаго основанія. Относительно башкиръ, напримѣръ, ихъ то причисляютъ къ финскимъ племенамъ, показывая вмѣстѣ съ чувашами и мещерой, то этихъ послѣднихъ, подъ именемъ тептярей и бобылей, причисляютъ къ башкирамъ. Общіе итоги отъ этого, конечно, будутъ существенно страдать.

Вырожденіе башкиръ, равно какъ и другихъ слабѣйшихъ инородцевъ, можно было предполагать по теоретическимъ соображеніямъ и по примѣру другихъ народностей, стоящихъ въ подобныхъ условіяхъ. Чтобы провѣрить это по дѣйствительнымъ фактамъ, я, во время путешествія, старался, гдѣ возможно, расспрашивать о прибыли или убыли башкирскаго населенія. Почти вездѣ, отъ самихъ башкиръ, получался одинъ отвѣтъ, что прежде ихъ было значительно больше. Напримѣръ, если 10 лѣтъ назадъ въ волости считалось 5 тысячъ, то теперь насчитываютъ 4 или даже 3 тысячи. Это по изустнымъ рассказамъ, которые, конечно, не могутъ быть точны; официальныхъ же данныхъ по этому вопросу я получить не могъ. Интересуясь смертностью башкиръ, я нашелъ весьма интересныя данныя по этому вопросу въ статьѣ г. медицинскаго инспектора оренбургскаго края, В. В. Лотина «Возвратныя горячки въ оренбургскомъ краѣ» («Медицинскій Вѣстникъ» 1866 года, № 23—25), совершенно подтверждающія вышеприведенныя соображенія и слухи. Я позволяю себѣ привести здѣсь небольшія извлеченія изъ этой статьи. На стр. 14-й г. Лотинъ говоритъ: «въ самыхъ большихъ размѣрахъ эпидемія возвратной горячки была въ Башкиріи. Въ иныхъ мѣстностяхъ какъ болѣзненность, такъ и смертность отъ возвратной горячки достигала громадныхъ размѣровъ... Изъ имѣющихся у меня документовъ я могу указать только на нѣкоторыя мѣстности двухъ уѣздовъ: оренбургскаго и орскаго, гдѣ я былъ самъ во время эпидеміи. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ этихъ уѣздовъ болѣзненность была колоссальная и смертность въ теченіи 1865 года доходила до 26—44% по отношенію къ общему числу народонаселенія». Далѣе подробно перечисляется смертность по волостямъ и деревнямъ. Напр., во 2-й усяргонской волости изъ 8529 душъ умерло 1019; въ 3-й усяргонской волости изъ 7116 умерло 808; въ 1-й бурзянской волости изъ 8544 человѣкъ народонаселенія умерло 977 и т. д. «Эти цифры, — прибавляетъ г. Лотинъ, — не-

смотря на ихъ офиціальный источникъ, можетъ быть еще не вполне точны, потому что лица, представлявшія ихъ, сами говорятъ, что свѣдѣнія собирались ими вѣско, при проѣздѣ черезъ извѣстныя мѣстности. Но что болѣзненность и смертность между башкирами доходила до ужасающихъ размѣровъ,—это фактъ. Причиной страшнаго развитія эпидеміи и смертности были весьма дурныя діетико-гигіеническія условія, т. е. голодь и дурныя жилища этихъ полудикахъ азіатцевъ, при каковыхъ условіяхъ всякая, даже легкая, эпидемія должна неизбѣжно производить такія же печальныя послѣдствія». Интересны въ той же статьѣ и нѣкоторыя экономическія указанія, относящіяся къ 1865 году. «Вотъ, для примѣра,—говоритъ Лотинъ,—положеніе одной изъ башкирскихъ волостей, а именно 4-й усаьгонской. Въ 1865 году въ этой волости пало: лошадей 2774, рогатаго скота 2272, овецъ и козъ 3272. Неимѣющихъ совершенно скота и не сѣявшихъ хлѣба въ этой волости—до 214 домохозяевъ, что равняется почти 960 душамъ обоого пола. И такихъ мѣстностей, конечно, не мало между башкирами. Бѣдные башкиры питаются зимой вообще очень скудно. Въ 1866 году, при проѣздѣ моей по Башкиріи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оренбургскаго и орскаго уѣздовъ я былъ пораженъ ужасающей нищетою. Были жилища, гдѣ не было рѣшительно ничего съѣстнаго и сами жители заявляли, что они не ѣли ничего по нѣсколькимъ днямъ, чему можно было вѣрить, глядя на ихъ истощенныя фигуры. Большая часть бѣдныхъ довольствовалась испеченными въ золѣ лепешками изъ толченаго проса или лебеды. Эти лепешки имѣли отвратительный промзглый запахъ, непріятный вкусъ и съ виду были похожи на засушенную глину. Другое кушанье—болтушка изъ воды съ мукой или отваръ проса въ водѣ. Проѣзжая множество деревень, лошадиное мясо я видѣлъ только въ одномъ домѣ». Не болѣе приглядно описывается жилище и одежда башкиръ. Относительно послѣдней авторъ замѣчаетъ: «многіе бѣдные не носятъ рубахъ ни зимой, ни лѣтомъ: верхняя одежда—халатъ или армякъ—надѣвается на голое тѣло. Во многихъ жилищахъ я видѣлъ взрослыхъ дѣвушекъ безъ рубахъ, вся одежда ихъ заключалась въ однихъ лохмотьяхъ. Дѣти у большей части бѣдныхъ башкиръ и зимой и лѣтомъ держатся совершенно голыми».

При такомъ экономическомъ положеніи народа, который и въ настоящее время едва ли лучше, чѣмъ въ 1866 году, нельзя и думать о приращеніи населенія. Какъ результатъ бѣдности, чаще или рѣже, но неизбѣжно будутъ повторяться эпидеміи въ родѣ вышеописанной, и народонаселеніе будетъ обре-

чено къ вымиранію, если только оно не оставитъ своего полудикаго образа жизни. Поднять экономическій бытъ и благосостояніе башкиръ до уровня русскихъ крестьянъ, не посягая на ихъ народность и азіатскія привычки, едва ли возможно. Башкиръ-магометанинъ всегда будетъ придерживаться своего склада жизни, и, вслѣдствіе этого, какъ элементъ болѣе слабый въ средѣ народонаселенія съ высшей культурой, будетъ нести на себѣ всѣ невыгоды борьбы за существованіе. Несмотря на водвореніе осѣдлости, и даже нѣкоторыя гражданскія преимущества, несмотря на богатство земельныхъ угодій, башкиры не будутъ въ состояніи конкурировать съ русскими крестьянами, пока сами не превратятся въ такихъ же крестьянъ. Это мы видимъ на всѣхъ азіатскихъ инородцахъ. Инородческія деревни, принявшія христіанство, представляютъ уже гораздо лучшій экономическій бытъ, чѣмъ деревни языческія или магометанскія. Чѣмъ больше они утрачиваютъ инородческіе признаки и приближаются къ крестьянамъ, тѣмъ выше поднимается и ихъ благосостояніе. Это видно, на примѣръ, на тептярскихъ и мордовскихъ деревняхъ, или у зырянъ, принявшихъ православіе. По складу жизни, экономическимъ привычкамъ и зажиточности нерѣдко ихъ трудно даже отличить отъ русскаго крестьянина. Поэтому, мнѣ кажется, что въ видахъ прямой пользы для самихъ инородцевъ, всѣ мѣропріятія для кореннаго улучшенія ихъ быта, должны быть направляемы къ тому, чтобы возможно скорѣе достигнуть слиянія ихъ съ русскимъ народонаселеніемъ, путемъ языка, русской грамотности и религіи. Всѣ остальные способы будутъ временными полу-мѣрами. Въ концѣ-концовъ, судьба башкирскаго народа можетъ быть двоякая—или вырожденіе, или ассимиляція русской народностью. Послѣдній изъ этихъ путей, конечно, самый гуманный и выгодный какъ для насъ, такъ и для нихъ.

В. Флоринскій.